

Юнг Карл Густав К вопросу о подсознании filosoff.org
Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке
<http://filosoff.org/> Приятного чтения!

Юнг Карл Густав К вопросу о подсознании.
Значение сновидений.

Человек использует устное или печатное слово, чтобы передать окружающим некоторое осмысленное сообщение. При этом помимо слов-символов, которых так много в любом языке, часто применяются слова-обозначения, или своего рода опознавательные знаки, не являющиеся строго описательными. Таковы сокращения, представляющие ряд прописных букв (ООН, ЮНИСЕФ, ЮНЕСКО), известные торговые марки, запатентованные названия лекарств, воинские знаки различия. Не имея значения сами по себе, они стали узнаваемы в ходе обыденного или целенаправленного употребления. Подобные слова суть не символы, а знаки, лишь называющие объекты, за которыми закреплены.

Символом же мы называем термин, название или даже образ, обладающий помимо своего общеупотребительного еще и особым дополнительным значением, несущим нечто неопределенное, неизвестное. Многие памятники критской культуры, например, отмечены знаком двойных тесел. Это знакомый нам предмет, однако его потайной смысл скрыт от нас. Или возьмем другой пример: один индус, посетив Великобританию, рассказывал потом своим друзьям, что англичане почитают животных. Он обнаружил в старых протестантских церквях изображения орла, льва и быка, но понятия не имел (как и многие христиане), что эти животные символизируют авторов Евангелий. В свою очередь корни этой символики тянутся к видению Иезекииля, а оно имеет аналог в египетском мифе о боге солнца Горе и четырех его сыновьях. Еще более яркий пример – это известные каждому колесо и крест. В соответствующем контексте и у них появляется символическое значение, которое до сих пор является предметом дискуссий.

Следовательно, символическим является такое слово или образ, значение которого выходит за рамки прямого и не поддается точному определению или объяснению. Когда разум пытается объять некий символ, то неизбежно приходит к идеям, лежащим за пределами логики. Размышления о колесе как об образе "божественного" солнца приводят разум к порогу, за которым он должен признать свою некомпетентность, ибо невозможно дать определение "божественному". Называя нечто "божественным", мы, действуя в границах нашего разума, лишь даем название, опираясь при этом только на веру, но никак не на факты.

Явлений, выходящих за пределы человеческого понимания, в мире не счесть. Мы постоянно прибегаем к символической терминологии для обозначения понятий, определение или точное понимание которых нам не подвластно. Вот почему все религии используют язык символов как словесного, так и зрительного ряда. Однако подобное сознательное применение символов является лишь одним аспектом психологического феномена большой важности: человек также сам вырабатывает символы – бессознательно и спонтанно – в форме сновидений.

Этот тезис принять нелегко, но необходимо, если мы хотим больше узнать о путях функционирования человеческого разума. Если немного поразмыслить, нам станет ясно, что человек не способен воспринять или понять что-либо полностью. Его способность видеть, слышать, осязать или чувствовать всегда зависит от тренированности соответствующих органов, степень которой определяет границы восприятия окружающего мира. Эта ограниченность может быть частично преодолена с помощью соответствующих приборов. Бинобль улучшает зоркость, а усилитель звука – слух. Однако даже самые совершенные приборы способны лишь приблизить удаленные предметы или сделать слышимыми еле различимые звуки. Какие бы приборы мы ни использовали, в определенный момент мы подойдем к порогу, за которым начинается неопределенность. Наши знания не могут помочь разуму переступить этот порог.

Помимо рассмотренных существуют и подсознательные аспекты нашего восприятия реальности. Один из них состоит в том, что когда наши органы чувств реагируют на реальные обстоятельства, объекты и звуки, последние каким-то образом переводятся из царства реальности в царство разума, где становятся моментами психики, глубинная сущность которых непознаваема (ибо психика не способна познать саму себя). Таким образом, любое восприятие действительности включает бесчисленное число неизвестных факторов, не говоря уже о том, что любой конкретный объект в конечном счете всегда непостижим для нас, как и глубинная природа самой материи.

Отдельные обстоятельства, кроме того, не затрагивают нашего сознательного внимания, но тем не менее неосознанно воспринимаются и остаются с нами, не переходя порога сознания. Мы можем заметить их лишь по наитию или после сосредоточенного обдумывания, когда вспоминаем, что некое событие действительно имело место, но оказалось проигнорированным из-за своей незначительности. Это воспоминание поднялось из глубин подсознания и было зафиксировано запоздалой мыслью, а могло бы принять форму сна. Как правило, в сновидениях нам являются бессознательно воспринятые аспекты событий, причем не в рациональной, а в символической и образной форме. Исторический факт. именно изучение снов впервые позволило психологам исследовать подсознательные аспекты осознанно воспринятых психических явлений.

Именно на эти свидетельства опираются психологи, допуская существование подсознательной части психики, хотя многие ученые и психологи отрицают такую возможность, наивно указывая на то, что она подразумевает существование двух "субъектов" или, проще говоря, двух личностей в одном человеке. Это, однако, на самом деле является реальностью. Одна из напастей, от которой страдает современный человек, – это раздвоение личности. И это не патология, а обычное явление, наблюдаемое повсеместно. Человек, правая рука которого не знает, что делает левая, – не просто невротик. Подобное затруднение – симптом общей неосознанности поведения, несомненно унаследованной поголовно всем человечеством.

Сознание человека развивалось медленно и трудно. Миновало множество столетий, пока этот процесс подвел его на путь культуры (начало которой неправоммерно датируют четвертым тысячелетием до Рождества Христова, когда вошла в ход письменность). Эволюция человеческого сознания далека от завершения: ведь до сих пор значительные участки разума погружены во тьму. И то, что мы называем психикой, ни в коей мере не идентично сознанию.

Те же, кто отрицают существование подсознания, утверждают фактически, что наши сегодняшние знания о психике исчерпывающи. А такое мнение однозначно столь же ложно, как и предположение, что мы знаем о вселенной абсолютно все.

Наша психика является частью окружающего нас мира, и ее тайна так же безгранична. Поэтому мы не можем дать определения ни тому, ни другому. Мы только можем утверждать, что верим в их существование, и описывать по мере возможности их функционирование. Кроме накопленных результатов медицинских исследований есть и серьезные логические доводы против утверждений о несуществовании подсознания. Сторонники этой точки зрения выражают стародавний "мизонизм" – страх перед новым и неизвестным.

Это противление идее существования непознанной части человеческой психики имеет свои цепкие корни, ведь сознание – совсем недавнее приобретение бытия и находится еще в процессе становления. Оно хрупко, подвержено специфическим опасностям и легко ранимо. Антропологи подметили, что одним из наиболее частых умственных расстройств у первобытных людей была, говорях языком, "потеря души", или разлад (по-научному – диссоциация) сознания.

Среди людей прошлого, уровень сознания которых отличался от нашего, душа (психика) не воспринималась как нечто целое. Многие полагали, что каждый человек помимо обычной души имеет еще и так называемую "лесную душу", воплощенную в том звере и растении, с которым он имеет определенное психическое родство. Известный французский этнолог Л. Леви-Брюль назвал эти представления "мистическим участием". Позже он отказался от этого термина под давлением недружественной критики, но я уверен в его правоте. В психологии хорошо известно явление подобного подсознательного единения одного индивидуума с другим человеком или объектом.

Среди первобытных людей это родство имело множество форм. Если "лесная душа" обитала в каком-либо звере, то он считался человеку как бы братом. Предполагалось, что человек, имеющий братом крокодила, мог, например, спокойно плескаться в кишасей аллигаторами реке. Иметь "лесную душу" в дереве означало родительскую власть этого дерева над индивидуумом. В обоих случаях понималось, что оскорбление "лесной души" равно оскорблению человека. В некоторых племенах считалось, что у человека несколько душ. Подобное мироощущение отражало веру отдельных первобытных людей в то, что они состоят из нескольких связанных между собой, но различных частей. Это означает, что индивидуальная психика была далека от гармоничной

Юнг Карл Густав К вопросу о подсознании filosoff.org целостности. Наоборот, она грозила вот-вот распасться под напором неконтролируемых эмоций.

Хотя эта ситуация и известна нам лишь по работам антропологов, она вовсе не так далека от современной действительности, как могло бы показаться. Мы тоже можем стать диссоциированными и утратить свою индивидуальность. Мы можем оказаться во власти настроения, весьма изменившись при этом; можем утратить благоразумие и память о само собой разумеющихся вещах, касающихся нас самих и наших близких до такой степени, что спровоцируем вопрос:

"какой бес в тебя вселился?" Мы говорим о возможности самоконтроля, однако редко кому удается овладеть этим замечательным качеством. Мы можем полагать, что контролируем себя, но при этом наши друзья легко видят в нас такое, чего мы и не представляем.

Без сомнения, даже при высоком, с нашей точки зрения, уровне цивилизации человеческое сознание еще не достигло уровня неразрывности. Оно еще уязвимо и подвержено фрагментации. В то же время, способность изолировать часть разума является весьма ценной. Она позволяет сосредотачиваться на чем-то одном, отключая все, что может отвлечь наше внимание, и подавляя для этого часть психики. Главный вопрос заключается, однако, в том, делаем ли мы это сознательно или же это происходит спонтанно, без нашего ведома и согласия, или даже против нашего желания. В первом случае такая способность является достижением цивилизации, во втором – первобытной "потерей души" или даже невротической патологией.

Таким образом, даже в наши дни единство сознания все еще штука ненадежная – слишком легко оно прерывается. А способность контролировать эмоции, весьма полезная с одной стороны, с другой выглядит довольно сомнительно, ибо лишает человеческие отношения разнообразия, яркости и теплоты.

Именно на этом фоне мы рассмотрим значение снов – этих зыбких, неуловимых, недолговечных, смутных и неопределенных фантазий. Чтобы раскрыть свою позицию, я хотел бы описать, как она видоизменялась и как я пришел к заключению, что сновидения являются наиболее широко распространенным и доступным источником для изучения способности людей к выработке символов.

Зигмунд Фрейд был первым, кто попытался исследовать эмпирическим путем подсознательный фон сознания. В своей работе он исходил из общего допущения, что сны являются не случайными, а ассоциативно связанными с сознательно переживаемыми мыслями и проблемами. Это допущение основывалось на тезисе выдающихся неврологов (в том числе Пьера Жане) о связи невротических симптомов с конкретными сознательными переживаниями. Похоже, они возникают в отключенных участках бодрствующего разума, которые в другое время и при других условиях могут вновь включаться.

Еще в конце прошлого века Зигмунд Фрейд и Иосиф Брейер пришли к выводу, что невротические симптомы – истерия, некоторые виды боли, ненормальное поведение – имеют еще и символическое значение. Как и сновидения, они являются способом самовыражения подсознательной части разума и так же несут символическую нагрузку. Например, у пациента, столкнувшегося с невыносимой ситуацией, может возникнуть спазм при глотании: воспоминание о ней заставляет его поперхнуться. В аналогичной ситуации у другого пациента начинается приступ астмы: его угнетает "атмосфера дома". Третий страдает от особой формы паралича ног, он не ходит, поскольку "продвигаться" далее так невозможно. Четвертого мучают приступы рвоты во время еды, потому что он не может "переварить" какой-то неприятный факт. Я мог бы привести много аналогичных примеров, но подобная физическая реакция является лишь одной из форм выражения подсознательно беспокоящих нас проблем. Чаще всего они приходят к нам во сне.

Любой психолог, которому приходилось выслушивать содержание снов пациентов, знает, что символов, встречающихся в сновидениях, много больше, чем физических симптомов невроза. Зачастую сны состоят из сложных и красочных фантазий. Однако, если использовать для анализа этого материала фрейдовскую методику "свободных ассоциаций", окажется, что все разнообразие сновидений можно свести к нескольким базисным сюжетам. Этот метод сыграл важную роль в развитии психоанализа, позволив Фрейду использовать сны пациентов в качестве отправной точки для изучения их неосознанных проблем.

Фрейд сделал простое, но глубокое наблюдение: если пациента поощрить к

Юнг Карл Густав К вопросу о подсознании filosoff.org
разговору об увиденном во сне, попросить поделиться мыслями по данному поводу, то он неизбежно "раскроется" и обнажит бессознательный фон своих недомоганий как тем, что он расскажет, так и тем, что в рассказе опустит. Его рассказ может показаться иррациональным и не имеющим видимой связи с его проблемами, однако через некоторое время нетрудно разобраться, чего он избегает, какие неприятные мысли и воспоминания подавляет. Как бы он ни старался не выдать себя, все его слова будут указывать на переживание, от которого он страдает. Врачам настолько часто приходится сталкиваться с неприглядной стороной жизни, что они редко ошибаются в расшифровке намеков, порождаемых беспокойным подсознанием пациента. И то, что им открывается, к сожалению, обычно соответствует их предположениям. Все сказанное до сих пор лишь подтверждает фрейдовскую теорию о подавленных и осуществленных желаниях как очевидных источниках символики сновидений.

Фрейд придавал особое значение снам как отправному пункту процесса "свободных ассоциаций". Через некоторое время, однако, я начал понимать, что использовать таким образом все богатство фантазий, генерируемых подсознанием во сне, было бы ошибочно и недостаточно. Первые сомнения у меня появились после рассказа моего коллеги об ощущениях, пережитых им во время долгой поездки по железной дороге в Россию. Хотя он не знал русского языка и не был знаком с написанием букв в кириллице, он увлекся разглядыванием вывесок на железнодорожных станциях, пытаясь угадать, что могут означать эти странные буквы.

Размышляя об этом, он фантазировал, расслабившись, представляя самые невероятные значения незнакомых слов, когда вдруг обнаружил, что "свободные ассоциации" пробудили целый ряд старых воспоминаний, в том числе весьма неприятных и, казалось, надежно погребенных, которые он в свое время желал забыть и сознательно забыл. Фактически он обнаружил свои "комплексы" – так психологи называют подавленные эмоции и воспоминания, которые могут вызывать постоянные психологические расстройства и даже, во многих случаях, невротические синдромы.

Этот случай открыл мне глаза на то, что для изучения комплексов пациента необязательно использовать сны как отправную точку процесса "свободных ассоциаций". Ведь докопаться до сути можно с разных сторон. Оттолкнувшись можно от букв кириллицы, медитации с хрустальным шаром, молитвенного колеса, современной картины и даже от обычного разговора о всяких пустяках. В этом отношении сон не лучше и не хуже, чем любое другое отправное начало. Тем не менее, сны имеют особое значение, даже когда порождены эмоциональными потрясениями, где не обошлось без присущих индивидууму комплексов. (Присущие каждой личности комплексы представляют собой наиболее уязвимые места психики, моментально реагирующие на внешние раздражители). Вот почему "свободные" ассоциации могут привести от любого сна к "запретным" мыслям.

На этом этапе мне пришло в голову, что (если я был прав в вышеприведенных рассуждениях) сны вполне могут иметь некую особую и более весомую самостоятельную функцию. Очень часто они явно структурированы таким образом, что указывают на породившую их мысль или намерение, которые, однако, распознать сразу почти невозможно. Тогда я подумал: а не лучше ли уделять больше внимания анализу формы и содержания конкретного сновидения, чем выстраивать путем "свободных" ассоциаций цепочку, ведущую к комплексам, обнаружить которые нетрудно и другими методами?

Эта мысль стала переломной в развитии моей концепции. Я постепенно отказался от ассоциативного метода, слишком далеко уводящего от содержания сна, и предпочел сосредоточиться на самих сновидениях, считая, что они выражают некое сообщение, которое пытается передать подсознание.

Перемена моего отношения к снам обусловила и изменение методики. Новый метод позволял описывать все разнообразие аспектов сновидения. Если рассказ, поведенный сознающим разумом, имеет начало, развитие и концовку, то во сне все по-другому. Его пространственно-временные координаты отличаются от обычных. Чтобы понять это, сновидение следует тщательно изучать как незнакомый предмет, который мы крутим в руках, поворачивая его снова и снова, пока каждая деталь не станет знакомой.

Теперь, быть может, я достаточно показал, как я все более отходил от фрейдовского свободно-ассоциативного метода: я хотел держаться как можно ближе к самому сну, исключая все не относящиеся к делу идеи и ассоциации,

Юнг Карл Густав К вопросу о подсознании filosoff.org которые он мог бы пробудить. Конечно, они помогали разобраться с комплексами пациента, приводящими к невротическим расстройствам, но не в этом я видел свою цель. Ведь для распознавания "комплексов" существует множество других методик. Психолог, например, может узнать все интересующие его нюансы через вербально-ассоциативный тест (пациенту называют ряд слов, и он говорит, с чем они у него ассоциируются). Однако, чтобы узнать и понять, как протекает психический процесс у конкретного индивида, не обойтись без изучения его снов и их символики.

Практически все знают, например, что половой акт можно символически изобразить с помощью несчетного количества образов (или аллегорий). Каждый из них может ассоциироваться с половым сношением и, соответственно, пробуждать специфические комплексы, которые каждый человек может иметь в сексуальной сфере. Вместе с тем, раскрыть те же комплексы можно и путем созерцания загадочных русских букв. Так я пришел к предположению, что сновидение несет в себе не обязательно некую сексуальную аллегорию, но всегда причинно обусловленное сообщение. Проиллюстрируем это положение на следующем примере.

Вам может сниться, что вы вставляете ключ в замочную скважину, или деретесь тяжелым жезлом, или высаживаете бревном дверь. Каждый из этих образов можно трактовать как сексуальную аллегорию. Однако не менее важно, какой именно из них – ключ, жезл или бревно – подсознание выбрало для своих целей. В этом-то и заключается главный вопрос: почему выбран ключ, а не жезл, или жезл, а не бревно. В итоге может оказаться, что на самом деле изображался не половой акт, а нечто совершенно другое.

Исходя из указанной аргументации, я заключил, что для интерпретации сновидения следует использовать лишь явно составляющий его материал. У сна есть свои границы. Его специфическая форма сама подсказывает нам, что является частью сна, а что не является. Там, где "свободные ассоциации" увлекают нас в сторону, заставляя идти зигзагом, разработанный мною метод позволяет, все сужая круг поиска, подбираться к цели – картине сновидения. Шаг за шагом я иду к ней, пресекая любые попытки пациента отвлечься. Раз за разом я повторяю: "Вернемся к вашему сну. Опишите, что вам снилось".

Приведу пример: моему пациенту приснилась пьяная, неряшливо одетая вульгарная женщина. Во сне она была его женой, хотя в реальной жизни его супруга не имела ничего общего с этим образом. Следовательно, если не "копать" глубоко, можно было бы сказать, что сон возмутительно неправдоподобен, и реакцией пациента стало бы незамедлительное неприятие нелепицы. Если бы я, как врач, позволил ему углубиться в поток ассоциаций, он наверняка попытался бы удалиться куда угодно, лишь бы забыть о неприятном сновидении. В этом случае он пришел бы к одному из своих устоявшихся комплексов, – возможно, и не имеющему никакой связи с женой, – и мы ничего бы не узнали о значении данного сна.

Но что же на самом деле пыталось передать его подсознание таким очевидно ложным сообщением? Понятно, что оно выражало в такой форме идею опустившейся женщины, тесно связанную с жизнью пациента. Но поскольку проекция на жену была необоснованной и фактически ложной, мне пришлось как следует поискать, пока я не раскусил загадку этого отталкивающего образа.

В средневековье считалось, что "внутри каждого мужчины таится женщина". Эта мысль родилась задолго до открытия физиологами присутствия в каждом из нас, в силу особенностей строения гормональной системы, мужского и женского начала. Это женское начало, присущее каждому мужчине, я назвал "анима". Суть его заключается преимущественно в чувстве некой привязанности подчиненного характера по отношению к окружающим, особенно к женщинам. Это чувство тщательно скрывается ото всех, в том числе и от самого себя. Иначе говоря, хотя внешне человек выглядит вполне нормальным, его женское начало пребывает в жалком состоянии.

В этом и заключалась ситуация моего пациента. Его женское начало было непривлекательным. Его сон фактически предупреждал: "В некоторых ситуациях ты ведешь себя как опустившаяся женщина" – что и вызвало необходимое для пациента потрясение. (Разумеется, примеры такого рода не следует воспринимать как свидетельство того, что подсознание занимается моральными предписаниями. Сон не предписывал пациенту "лучше себя вести", а просто пытался исправить перекос в его сознании, продолжающем держаться за миф о собственной непогрешимости, безупречности и добропорядочности).

Легко понять, почему мы обычно игнорируем или даже отвергаем сообщения, увиденные во сне. Естественно, что сознание противится подсознательному и неизвестному. Я уже упоминал о распространенном среди первобытных людей "мизонеизме" – так антропологи называют глубокий суеверный страх нового, тождественный реакции дикого животного на неблагоприятную ситуацию. "Цивилизованный" человек, однако, зачастую реагирует на новые идеи весьма сходным образом, воздвигая психологические барьеры, чтобы защититься от шока встречи с чем-то новым. Это особенно заметно в реакции любого человека на свои собственные сны, когда в них встречаются неожиданные сюжеты. Многим философам, ученым и даже литераторам, шедшим непроторенными путями, пришлось испытать на себе врожденный консерватизм своих современников. Психология, совсем молодая наука, в силу того, что изучает работу подсознания, неизбежно столкнулась с "мизонеизмом" в самых экстремальных его проявлениях.

Прошлые и будущее в подсознании

Выше я набросал некоторые принципы своего подхода к сновидениям, ибо для изучения нашей способности вырабатывать символы они являются наиболее элементарным и доступным материалом. В работе со снами необходимо исходить из двух основополагающих положений. Во-первых, следует относиться к ним как к фактам, заранее не предполагая ничего кроме того, что некий смысл они все-таки содержат, во-вторых, понимать, что сон является специфическим языком подсознания.

Вряд ли возможно более кратко сформулировать эти принципы. Даже человек, имеющий невысокое мнение о подсознании, должен был бы признать, что оно стоит изучения, по меньшей мере как и вошь, которая пользуется заслуженным интересом энтомологов. Если человек, мало сведущий в сновидениях, считает их ничего не означающими хаотическими явлениями, что же – у каждого есть право на свое мнение. Однако, если допустить, что сны – это обычные события (каковыми они и являются), то отсюда следует, что они либо каузальны, то есть имеют рациональную причину, которой обязаны своим возникновением, либо целенаправленны, либо и то и другое.

Рассмотрим теперь чуть подробнее, как связаны между собой сознательный и подсознательный аспекты мышления. Возьмем знакомый каждому случай, когда мы теряем мысль, забываем, что хотели сказать, хотя секунду назад слово "вертелось" на языке. Например, вы собираетесь представить друга, но его имя улетучивается из памяти в тот момент, когда вы хотели его произнести. Вы говорите: "забыл"; на самом же деле мысль стала подсознательной или по меньшей мере моментально отделившейся от сознания. То же случается и с нашими органами восприятия. Если вслушиваться в какой-нибудь еле слышный, но долго тянущийся звук, то будет казаться, что он периодически пропадает и вновь появляется. В действительности, периодически прерывается не звук, а наше внимание.

Когда идея выскальзывает из нашего сознания, она не перестает существовать – так же, как машина, скрывшаяся за углом, вовсе не растворяется в воздухе. Просто она оказалась вне поля зрения. Позже мы опять можем встретить эту машину, как можем и натолкнуться на ранее утерянные мысли.

Таким образом, наше подсознание бывает занято множеством временно угасших образов, впечатлений, мыслей, которые продолжают влиять на наше сознательное мышление, хотя и являются потерянными. Отвлечшийся или рассеянный человек пересекает комнату, чтобы что-то взять. На полпути он останавливается в смущении – он забыл, за чем шел. Он механически, как лунатик, перебирает вещи на столе – хотя первоначальное намерение забыто, оно подсознательно движет им. Наконец он вспоминает, что хотел. Подсознание подсказало ему.

Наблюдая за поведением невротика, кажется, что он действует осознанно и намеренно. Однако, если спросить его, окажется, что он либо не осознавал своих действий, либо имел в виду совсем не то. Он слушает, но не слышит, смотрит, но не видит, знает, но не ведает. Подобные ситуации настолько хрестоматийны, что для специалиста очень скоро становится ясным, что

Юнг Карл Густав К вопросу о подсознании filosoff.org
подсознательная часть мышления проявляет себя подобно сознательной; тем самым становится невозможным точно определить, осознаны или нет мысли, речь и действия пациента в такой ситуации.

Именно поэтому многие терапевты воспринимают как явную ложь рассказы истеричных пациентов. Такие люди действительно говорят неправду чаще, чем большинство из нас, однако вряд ли будет правильно называть все их слова ложью. Дело в том, что состояние их разума диктует неопределенность поведения, поскольку их сознание подвержено непредсказуемым затмениям из-за вторжений подсознания. Даже их кожная чувствительность может колебаться аналогичным образом. Подверженный истерии человек, уколовшись иголкой, может не почувствовать этого. Подсознание же пациента будет знать обо всем, что происходит.

Это будет особенно заметно при гипнозе такого пациента. Легко показать, что он помнит все детали происшедшего: и укол в руку, и реплику врача, прозвучавшую при отключившемся уже сознании, – все вспоминается им настолько отчетливо, будто никакой анестезии или забывчивости не было. Я помню одну женщину, привезенную в клинику в состоянии полного ступора. Обретя сознание на следующий день, она не помнила, как она здесь оказалась и почему, какое сегодня число, хотя и осознавала, кто она. Когда же я ввел ее в гипнотическое состояние, она рассказала и как заболела, и как добралась до клиники, и кто дежурил на приеме больных. Все это легко подтвердить документально. Она даже сказала, в котором часу ее приняли в клинику, так как видела часы у входа. Ее память под гипнозом была столь ясна, будто все это время она пребывала в сознании.

Разбирая подобные случаи, мы обычно опираемся на материалы клинических наблюдений. По этой причине многие критики считают, что подсознание со всеми его тонкими проявлениями относится исключительно к сфере психопатологии. Они считают любое проявление подсознательного невротического или психического расстройства, не имеющим ничего общего с нормальным состоянием разума. Однако невротические явления вовсе не являются исключительно результатом заболевания. В действительности это не более чем патологическое преувеличение нормальных событий, которое лишь в силу своей преувеличенности более заметно, чем его нормальный аналог. Истерические симптомы можно обнаружить у всех нормальных людей, однако они столь незначительны, что никто их не замечает.

Например, забывание – нормальный процесс, при котором отдельные осознаваемые идеи теряют свою специфическую энергию из-за отвлечения внимания. Когда мы переключаем интерес на что-то, мы тем самым оставляем в тени те вещи, о которых думали ранее. Так луч прожектора, осветив одно место, оставляет другое в темноте. Этого нельзя избежать, поскольку сознание может удержать одновременно ясными лишь несколько образов, причем эта ясность подвержена колебаниям.

Забывшие идеи, вместе с тем, не прекращают своего существования. Хотя их нельзя воспроизвести по собственному желанию, они пребывают под порогом сознания, как раз ниже порога памяти, – откуда могут всплыть в любой момент, иногда после многих лет, казалось бы, полного забвения. В данном случае я говорю о ситуации, когда мы видим и слышим что-то вполне осознанно, а впоследствии забываем. Наряду с этим мы видим, слышим, чувствуем запах и вкус множества вещей, не замечая этого либо потому, что наше внимание отвлечено, либо потому, что раздражитель, воздействующий на наши органы чувств, слишком слаб для осознанного восприятия. Тем не менее, эту информацию впитывает подсознание, и подобное подпороговое восприятие играет значительную роль в нашей повседневной жизни. Хотя мы не осознаем этого, оно влияет на наше восприятие событий и людей.

Особенно показателен в этом плане случай, происшедший с одним преподавателем, прогуливающимся как-то раз за городом со своим учеником. Поглощенный серьезной беседой, профессор вдруг заметил, что в его мысли неожиданно вторгся поток воспоминаний раннего детства. Почему это случилось, он никак не мог понять, ведь ничто из сказанного, казалось, не имело никакой связи с ними. Поглядев назад, преподаватель увидел ферму и понял, что воспоминания нахлынули в тот момент, когда он проходил мимо. Дотошный профессор предложил ученику прогуляться обратно к этому месту. Оказавшись там, он почувствовал запах гусей и мгновенно понял, что именно этот запах пробудил к жизни памятные картины детства.

Юнг Карл Густав К вопросу о подсознании filosoff.org
Ребенком он жил на ферме, где разводили гусей, и их характерный запах с детства врезался ему в память, хотя и был забыт со временем. Проходя мимо фермы, преподаватель услышал этот запах неосознанно, и это подсознательно воспринятое впечатление пробудило давно забытые впечатления детства. Восприятие было неосознанным, потому что внимание было занято другим, и раздражитель не был достаточно сильным, чтобы привлечь внимание и напрямую "достучаться" до сознания. Зато он всколыхнул "забытые" воспоминания.

В таких ситуациях намек играет роль пускового механизма, вызывающего прилив невротических симптомов, как, впрочем, и благоприятных воспоминаний, когда что-то своим видом, запахом или звучанием напоминает обстоятельства прошлого. Вот, например, машинистка в офисе цветущий вид и хорошее настроение. Через секунду у нес раскалывается от боли голова и налицо другие признаки крайнего утомления. Она услышала вдалеке, не осознавая этого, гудок корабля, подсознательно напомнивший ей о мучительном разрыве с любимым человеком, воспоминания о котором она пыталась выбросить из памяти.

Помимо обычного забывания Фрейд описал несколько разновидностей забывания неприятных воспоминаний, с которыми память стремится поскорее расстаться. Как говорил Ницше, там, где гордость непреклонна, память предпочитает отступить. Таким образом, среди утерянных воспоминаний немало таких, чья неосознанность (а значит, и неспособность быть воспроизведенными по желанию) обусловлена их же неприятным и невыносимым содержанием. Психологи называют их "подавленными".

Иллюстрацией на эту тему могла бы послужить секретарша, испытывающая чувство ревности к одному из компаньонов своего руководителя. Раз за разом она забывает приглашать его на совещания, несмотря на то, что в списке участников всегда фигурирует его фамилия. Однако, если спросить ее об этом, она скажет, что забыла или что ее отвлекли, и никогда не признается – даже себе самой – в истинных причинах этой забывчивости.

Многие ошибочно преувеличивают значение силы своих желаний, полагая, что им не может ничего прийти в голову помимо их воли. Вместе с тем, надо научиться различать намеренное и ненамеренное в нашем мышлении. Первое исходит от эго, второе – от "обратной стороны" эго, вовсе не тождественной ему. Именно эта "обратная сторона" заставляла секретаршу забывать о приглашении.

Сколь непохожи причины, из-за которых мы забываем то, что увидели или испытали, столь разнообразны и пути воспоминания. Интересный пример представляет криптомнезия, или "скрытое воспоминание". Скажем, писатель работает, развивая в строгом соответствии с заранее составленным планом сюжетную линию или действие повести. Вдруг он неожиданно отклонился от темы. Может быть, ему пришла на ум свежая идея или новый образ, или даже сюжетный ход. Если спросить писателя, чем вызвано это отклонение, он не сможет объяснить. Он мог даже не заметить изменения, хотя создаваемый им материал совершенно новый и явно не был известен ему ранее. В то же время, в некоторых случаях можно доказать наличие поразительного сходства написанного с чьей-то еще работой, которую он полагает абсолютно незнакомой.

Я сам обнаружил потрясающий пример такого рода в книге Ницше "Так говорил Заратустра", где автор воспроизводит почти слово в слово происшествие, описанное в одном корабельном вахтенном журнале за 1686 год. По счастливой случайности я прочел эту морскую историю в книге, вышедшей в свет, если мне не изменяет память, в 1835 году (за полвека до того, как Ницше взялся за перо). Обнаружив аналогичное описание в "Заратустре", я обратил внимание на необычный стиль, отличающийся от собственного Ницше. Я убежден, что Ницше тоже попало в руки то старинное издание, хотя он и не сослался на него. Я написал сестре Ницше, тогда здравствующей, и она подтвердила, что читала с братом эту книгу, когда ему было одиннадцать лет. Судя по всему, Ницше и представить не мог, что занимается плагиатом. Я уверен, что та история через пятьдесят лет неожиданно впорхнула в его сознание. Подобная ситуация, в которой человек не отдает себе отчет, характерна для подлинного воспоминания. Почти то же может случиться с музыкантом. Услышанный им в детстве деревенский напев или популярную песенку он может, будучи в зрелом возрасте, вставить в качестве ведущей темы в сочиняемую симфонию. Это идея или образ вернулась из подсознания в сознающий разум.

Все, что я выше говорил о подсознательном – этой сложной составляющей нашей

Юнг Карл Густав К вопросу о подсознании filosoff.org
психики – суть лишь беглый набросок его природы и механизма действия. Кроме того, следовало бы охарактеризовать тот подсознательный материал, из которого могут спонтанно генерироваться символы наших снов. Этот материал может включать всевозможные побуждения, импульсы и намерения, восприятия рациональные и интуитивные, обобщения и послы, а также разнообразнейшие чувства. Каждое из них и все вместе могут становиться – частично, временно или постоянно – неосознаваемыми.

Описанный материал большей частью переходит в подсознание из-за того, что в сознательном мышлении для него, если можно так выразиться, не хватает места. Часть наших мыслей теряет свою эмоциональную энергию и опускается под порог осознания (то есть не привлекает более осознанного внимания), став неинтересными или неактуальными, или мы сами запикиваем их подальше по какой-либо причине.

Для нас является нормальным и необходимым "забывать" именно таким образом, чтобы освобождать место для новых впечатлений и идей в нашем разуме. Если бы это было не так, то все, что мы испытываем, оставалось бы над порогом осознания и привело бы к невообразимому беспорядку рассудка. Это явление сегодня настолько известно, что большинство людей, мало-мальски знающих психологию, считают его само собой разумеющимся.

Однако, как осознанное может исчезать в подсознании, так и новое содержание, никогда не находившееся ранее в сознании, может появляться из подсознания. Можно почувствовать, что в сознании вот-вот появится нечто – тогда мы говорим: "идея витает в воздухе" или: "у меня нехорошее предчувствие". Открытие того, что подсознание – не просто обиталище прошедшего, но и вместилище будущих психологических явлений и идей, находящихся в зачаточном состоянии, привело меня к новому взгляду на психологию. По этому вопросу было сломано много копий, высказывались самые противоречивые суждения, но факт остается фактом: кроме воспоминаний из далекого прошлого, из подсознания могут появляться совершенно новые мысли и творческие идеи, которые ранее никогда не посещали сознание. Они поднимаются лотусообразно из темных глубин разума и образуют наиболее важную часть подсознательного в психике.

Мы находим подтверждение этому в повседневной жизни, когда сталкиваемся с неординарно смелыми решениями запутанных проблем: многие люди искусства, философы, даже ученые почерпнули свои самые вдохновенные идеи в подсознании, внезапно вытолкнув их на божий свет. Одной из отличительных черт гениев как раз и является способность найти такой источник вдохновения и направить его поток в русло философских, художественных и музыкальных работ или научных открытий.

В истории науки много свидетельств подобного рода. Например, во Франции математик Пуанкаре и химик Кекуле сделали важные открытия (по их собственному признанию) благодаря неожиданно увиденным во сне "подсказкам" в виде графических изображений. Пресловутое "мистическое" переживание французского философа Декарта заключалось в аналогичном "откровении" подсознания, когда он в один миг узрел "порядок всех наук". Английский писатель Роберт Льюис Стивенсон долгие годы вынашивал замысел истории, которая отразила бы его "сильное ощущение людской раздвоенности", и вдруг во сне увидел сюжет о докторе Джекиле и мистере Хайде.

Ниже я опишу более детально, каким образом подобный материал поднимается из подсознания, и рассмотрю формы его выражения. Сейчас я хотел бы отметить лишь, что способность человеческой психики создавать нечто новое, особенно важна для понимания символики сновидений, поскольку образы и идеи, приходящие к нам во сне, невозможно объяснить только воспоминанием – с этим я неоднократно сталкивался в своей профессиональной работе. Они выражают новые мысли, никогда ранее не переступавшие порог сознания.

функция сновидений

Я позволил себе углубиться в проблему происхождения жизни, проживаемой нами во сне, поскольку именно на этой почве обычно произрастает большинство символов. К сожалению, сны нелегко понять. Как я уже отмечал, сон совсем не

Юнг Карл Густав К вопросу о подсознании filosoff.org
похож на историю, рассказанную бодрствующим разумом. В повседневной жизни мы думаем, прежде чем сказать, выбираем, как лучше сказать, стараемся, чтобы наши реплики были к месту. Воспитанный человек, например, постарается не употребить двусмысленную метафору, чтобы не исказить впечатление от своих слов. Сны же скроены из другого теста. Во сне на нас наваливаются образы, кажущиеся противоречивыми и смешными, чувство времени утрачивается, обычные вещи могут стать захватывающими или угрожающими.

Может показаться странным, что подсознательное мышление распоряжается своим содержимым совсем не упорядоченным образом, который, казалось бы, является привычным для нашего бодрствующего, дневного образа мыслей. Любопытно, кто попробует вспомнить, что ему приснилось, обнаружит это различие, являющееся одной из главных причин, почему нам обычно так трудно понять свои сны. С точки зрения обычного опыта, приобретенного в бодрствующем состоянии, они не имеют смысла; поэтому мы склонны либо пренебречь ими, либо признать, что их содержание ставит нас в тупик.

Сказанное выше будет более понятно, если принять во внимание, что наши мысли, с которыми мы имеем дело в нашей будто бы упорядоченной сознательной жизни, вовсе не такие уж четкие, как нам хотелось бы думать. Напротив, чем ближе мы с ними знакомимся, тем более расплывчатым становится их смысл (и эмоциональное значение для нас). Ведь все, что мы увидели или испытали, может опуститься ниже порога сознания, то есть в подсознание. И даже те мысли, что мы удерживаем в сознании и которыми можем манипулировать по желанию, приобретают в подсознании каждая свой индивидуальный оттенок, сопровождающий их всякий раз, когда мы к ним обращаемся. Наши осознанные впечатления быстро окрашиваются их подсознательным значением, имеющим для нас реальный смысл, несмотря на то, что мы не осознаем его существования или характера его взаимодействия с обычным значением.

Разумеется, эти оттенки психического восприятия различны у разных людей. Каждый из нас индивидуально воспринимает абстрактные или общие понятия, и, соответственно, каждый по-своему интерпретирует и применяет их. Когда я использую в разговоре термины "государство", "деньги", "здоровье" или "общество", я предполагаю, что мои собеседники понимают их более или менее так же, как и я. В этом "более или менее" вся соль. Любое слово имеет чуточку отличающееся значение у разных людей, даже если они одного культурного уровня. Так происходит, потому что общее понятие, пройдя через призму индивидуальности, трактуется и применяется каждым слегка по-своему. Отличия в трактовке, разумеется, возрастают, когда социальный, политический, религиозный или психологический опыт собеседников значительно разнится.

До тех пор, пока понятие исчерпывается своим названием, вариации в его понимании почти не ощутимы и не имеют практического значения. Однако, как только оно требует точного определения или тщательного объяснения, то появляются самые невероятные трактовки, и не только в чисто интеллектуальном понимании термина, но особенно в его эмоциональной окраске и способе применения. Как правило, эти различия являются неосознаваемыми и таковыми остаются.

Казалось бы, подобные различия можно было бы отбросить как излишние и преходящие нюансы, имеющие мало общего с будничными потребностями. Однако сам факт их существования показывает, что даже самое обыденное содержимое сознания имеет оттенок приблизительности. Даже тщательнейшим образом сформулированные философские или математические понятия, не имеющие, по нашему убеждению, иного содержания, чем вложенное нами, на самом деле наделяются более широким значением, чем мы предполагаем. Это – психическое явление, и как таковое оно познаваемо не полностью. Даже числа, используемые при счете, и те представляют из себя нечто большее, нежели мы думаем. Они несут еще и мифологическую нагрузку (а пифагорейцы обожествляли их), о чем мы, конечно, не задумываемся, складывая или перемножая их.

Если сказать коротко, то у каждого понятия, имеющегося в нашем сознательном мышлении, есть свое ассоциативное соответствие в психике. Ассоциация, соответствующая понятию, может быть более или менее яркой (в соответствии с важностью этого понятия для нашей индивидуальности или в увязке с другими идеями и даже комплексами нашего подсознания) и может изменять "обычный" смысл понятия. Временами – при смещении под порог сознания – этот смысл значительно видоизменяется.

Юнг Карл Густав К вопросу о подсознании filosoff.org
Подсознательные аспекты всего, что случается с нами, играют, как может показаться, весьма малую роль в нашей повседневной жизни. Однако они очень важны для психологов при анализе снов – языка подсознания – и являются, в сущности, зародышами-невидимками наших осознанных мыслей. Вот почему обычные вещи или мысли во сне могут оказывать на нас мощное психическое воздействие. Нам снится всего лишь запертая комната или ушедший поезд, а мы просыпаемся в тревоге.

Приснившиеся образы обычно всегда ярче и живее, чем аналогичные понятия и впечатления в жизни. Одна из причин здесь в том, что во сне может открываться подсознательное их значение. Когда мы сознательно мыслим, мы ограничиваем себя рамками рационального – тем самым заставляя тускнеть любые слова, ибо мы лишим их большинства присущих психических ассоциаций.

Я припоминаю один свой сон, который мне трудно было истолковать. Мне снилось, что какой-то человек пытается зайти мне за спину и запрыгнуть на меня. Я не был с ним знаком в реальной жизни, хотя знал, что он как-то раз подхватил одну из моих фраз и переиначил ее, изменив смысл на гротескно противоположный. Я никак не мог уловить связь между этим фактом и попытками возникшего во сне человека взгромоздиться на меня. Вместе с тем, в моей профессиональной практике часто происходило искажение моих слов – так часто, что я перестал даже рассуждать, стоит ли обижаться. Вообще-то, неплохо бы сознательно контролировать свои эмоции – как я вскоре понял, в этом и заключался урок сна. Здесь оказалось зрительно обыграно австрийское простонародное выражение "Du kannst mir auf den Buckel steigen" ("Хоть на закорки мне залезь"), достаточно обычное в разговоре и означающее: "Мне все равно, что ты обо мне говоришь". Его американский эквивалент, который вполне мог бы присниться так же наглядно, гласит "Искупайся-ка в озере".

Можно сказать, что этот сон был символическим, ибо он не прямо показал ситуацию, а использовал для выражения сути метафору, поначалу мне не доступную. Подобные случаи (а они не редкость) не означают какой-то преднамеренной маскировки со стороны сна-дело здесь в нашем малом умении понимать эмоционально заряженный, образный язык. Повседневность требует от нас точности и четкости в формулировании слов и мыслей, и мы научились обходиться без фантазии с ее приукрашиванием действительности, утратив тем самым качество восприятия, присущее нашим первобытным предкам. Почти поголовно мы перепоручили подсознанию все необыкновенные психические ассоциации, порождаемые вещами или идеями. Первобытный же человек, напротив, знает их психические аналоги и поэтому наделяет зверей, растения, камни силой и качествами, которые для нас непонятны и неприемлемы.

Обитатель африканских джунглей, например, видя днем ночное животное, знает, что на самом деле-это деревенский шаман, временно принявший такое обличье. Он может также посчитать зверя "лесной душой" или духом предков одного из своих соплеменников. Какое-нибудь дерево может иметь для дикаря жизненно важное значение. Он будет считать его имеющим душу и голос и ощущать связь между своей и его судьбой. В южной Америке в некоторых племенах индейцы считают себя красными попугаями ара, хотя и вполне понимают, что перья, крылья и клювы у них отсутствуют. Дело здесь в том, что в мироощущении первобытных людей вещи не имеют таких отчетливых границ, как в нашем "рациональном" обществе.

То, что психологи называют "психическим родством" или "мистическим участием", ушло из нашего вещного мира. Однако именно этот ореол подсознательных ассоциаций придавал столь красочный и волшебный вид первобытному миру. Мы утратили это ощущение до такой степени, что не узнаем его, сталкиваясь с ним. Для нас они сокрыты под порогом сознания, а при случайном их появлении мы считаем, что это какая-то ошибка.

Ко мне неоднократно обращались за советом воспитанные и образованные люди, чьи сны, фантазии и видения были столь необычайны, что глубоко шокировали их. Все они считали, что человек в здравом уме не может испытывать подобных ощущений и что видения могут являться только лицам с патологическими расстройствами. Один теолог как-то сказал мне, что видения Иезекииля были лишь симптомами подступающей смерти, а "голоса", услышанные Моисеем и пророками, – галлюцинациями. Можете себе представить, какой панический ужас он испытал, когда нечто подобное "спонтанно" произошло с ним самим. Мы настолько привыкли к очевидно рациональной структуре нашего мира, что едва можем себе представить происшествие, не укладывающееся в рамки здравого смысла. Первобытный же человек при возникновении такой исключительной

Юнг Карл Густав К вопросу о подсознании filosoff.org
ситуации не стал бы сомневаться в своих умственных способностях, а подумал бы о фетишах, духах или божествах.

Вместе с тем, эмоции у нас те же. Более того, опасности, подстерегающие нас в нашей далеко шагнувшей вперед цивилизации, могут быть пострашнее, чем приписываемые в свое время демонам. Позиция современного человека иногда напоминает мне психически нездорового пациента, лечившегося в моей клинике, тоже врача по специальности. Как-то утром я спросил его, как он себя чувствует. Он отвечал, что провел замечательную ночь, дезинфицируя небеса хлоридом ртути. Хотя он очень дотошно проводил санитарную обработку, следов Бога обнаружить не удалось. Это невроз, а может, и что-нибудь похуже. Вместо Бога или "страха Господня" мы сталкиваемся с неврозом беспокойства или какой-то фобией. Эмоция не изменилась, но ее объект сменил название и содержание в худшую сторону.

Я припоминаю одного преподавателя философии, пришедшего ко мне за консультацией по поводу своей канцерофобии. Он был убежден, что у него злокачественная опухоль, несмотря на то, что десятки рентгенограмм не показывали ничего подобного. "О, я знаю, что на снимках пусто, – говорил он обычно, – но ведь могло бы и появиться?" Что привело его к этой идее? Очевидно, страх, возникший не от зрелого размышления. Неожиданно пришедшая мысль о смерти поборолла все доводы рассудка и овладела им, и сила ее была такова, что он не смог воспротивиться.

Этому образованному человеку было гораздо сложнее признать, что произошло, чем, например, дикарю решить, что его преследует дух умершего. Вредоносное воздействие сил зла в первобытном обществе допускается хотя бы как гипотеза. Человеку же нынешней цивилизации допустить, что его проблемы вызваны всего-навсего шалостями воображения – это на грани инфаркта. Первобытная "одержимость" не исчезла – она такая же, как всегда, лишь трактуется более разнообразно и непримиримо.

Я сравнил современного и первобытного человека по нескольким подобным показателям. Как будет показано далее, такие сравнения очень важны для понимания как способности человека к генерированию символов, так и роли сновидений в их изъяснении. Оказываются, многие сны являют образы и ассоциации, аналогичные первобытным идеям, мифам и ритуалам. Фрейд назвал такие образы, встречающиеся в сновидениях, "останками древности". По Фрейду, получается, что это элементы психики, веками сохраняющиеся в человеческом разуме. Описанный подход характерен для тех, кто считает подсознание эдаким аппендиксом сознания (или, образнее, бачком-накопителем для отходов, вырабатываемых сознанием).

Последующие исследования привели меня к мысли, что описанный подход лишен оснований и должен быть отвергнут. Я обнаружил, что ассоциации и образы такого рода составляют неотъемлемую часть подсознания и присутствуют в сновидениях любого человека, будь он образован или безграмотен, умен или глуп. Их вовсе нельзя отнести к не имеющим жизни и смысла "останкам". Они до сих пор действуют и имеют особую ценность как раз из-за своей долгой "истории" (эта тема раскрыта д-ром Хендерсоном в следующей главе). Они образуют мост между присущими нам сознательными способами выражения мыслей и более примитивными, но и более яркими и образными, формами самовыражения. Эта промежуточная форма воздействует непосредственно на чувства и эмоции. "Исторические" ассоциации связуют таким образом рациональный мир сознательного и первобытный мир инстинктивного.

Я уже обращал внимание на интересный контраст между "контролируемыми" нами мыслями в бодрствующем состоянии и избытком образов в сновидениях. Имеется еще одна причина такого различия: многие идеи, используемые нами в цивилизованной жизни, утратили свою эмоциональную энергию. Мы ими пользуемся в разговоре, сдержанно реагируем на их употребление другими – но особенно глубокого впечатления они не производят. Нужен другой подход, чтобы они "дошли" до нас с силой, достаточной для изменения наших взглядов и поведения. Этим и занимается "язык сновидений", символика которого настолько заряжена психической энергией, что мы не можем не обратить на нее внимания.

Одна дама, например, славилась своей глупостью, предрассудками, упрямством и неприятием логических рассуждений. Ей можно было доказывать что-нибудь весь вечер без малейшего результата. Ее сновидения, однако, использовали другой подход, чтобы овладеть ее вниманием. Однажды ей приснилось, что ее

Юнг Карл Густав К вопросу о подсознании filosoff.org
пригласили на важный прием. Хозяйка дома приветствовала ее словами: "Как приятно, что вы смогли прийти. Все ваши друзья уже собрались и ждут вас". Затем ее подвели к дверям, но открыв их, она вошла в... коровник!

Язык этого сна достаточно прост, чтобы быть понятным и тупице. Хотя сначала пациентка, увидевшая сон, не восприняла его "соль", ибо она слишком задевала ее самолюбие, впоследствии "посыл" сновидения дошел-таки по назначению и был понят, поскольку не оставалось сомнений, что сон высмеивал ее собственные недостатки.

Подобные послания от подсознания имеют большее значение, чем мы предполагаем. В нашей сознательной жизни мы подвергаемся различного рода влияниям. Другие люди стимулируют или подавляют нас, события на работе или в гостях нас отвлекают. Вещи такого рода толкают нас на не свойственные нам действия. Отдаем ли мы себе в этом отчет или нет, но они безусловно воздействуют на наше сознание, практически беззащитное от их влияния. Это особенно актуально для людей с экстравертной психикой, чье восприятие мира направлено по преимуществу на внешние объекты, а также для тех, кто мучается от чувства собственной неполноценности.

Чем сильнее сознание подвергается влиянию предрассудков, ошибочных мнений, фантазий и инфантильных желаний, тем шире имеющаяся в нем пропасть, ведущая к невротической диссоциации и к большей или меньшей неестественности жизни, далекой от здоровых инстинктов, от природы и истины.

Общая функция сновидений заключается в восстановлении нашего душевного равновесия. Нам снится именно то, что требуется для тонкой регулировки психического баланса. Я называю это вспомогательной или компенсаторной функцией сновидений в нашей психической самонастройке. Теперь понятно, почему людям, мыслящим нереально, имеющим завышенное самомнение или планирующим грандиозные проекты без опоры на реальные возможности, снятся полеты или падения. Такие сны компенсируют ущербность их личности, предупреждая в то же время об опасности следования такой практике. Если предупреждения сна не принять во внимание, может произойти реальный несчастный случай: падение с лестницы, например, или авария на дороге.

Помню один случай с мужчиной, безнадежно запутавшимся в каких-то темных делах. Как своего рода отдушина, у него выработалась почти болезненная страсть к опасным альпинистским восхождениям. Он пытался тем самым "подняться выше самого себя". Однажды ему приснилось, что с вершины горы он делает шаг в пустоту. Услышав его рассказ, я сразу же увидел грозившую ему опасность и постарался довести это предупреждение до пациента, убеждая его побережь себя. Я даже сказал, что этот сон предвещает ему гибель в горах. Он не послушался. Через полгода он "шагнул в пустоту". Гид-проводник видел, как они с другом спускались по веревке через трудное место. Друг нашел выступ для ноги на краю скалы, мой пациент спускался следом за ним. Неожиданно он отпустил веревку, рассказывал проводник, и как будто прыгнул. При этом он упал на друга, оба сорвались и разбились насмерть.

Другой типичный случай связан с женщиной, самодовольство которой не знало границ. Она буквально лопалась от суеты в повседневной жизни, однако сны ее были шокирующими и напоминали о различных неблагоприятных ситуациях в прошлом. Когда они были мной обнаружены, пациентка с негодованием отказалась признать что-либо подобное. Тогда ее сны стали наполнять намеки на опасность, подстерегающую ее во время прогулок по лесу. (Обычно она гуляла там одна, предаваясь сентиментальным воспоминаниям). Я понял, что ей угрожает, и неоднократно предупреждал, но безрезультатно. Вскоре во время одной из таких прогулок на эту женщину набросился сексуальный маньяк. Если бы не помощь услышавших ее крик прохожих, она бы не осталась в живых.

Никакого волшебства здесь нет. Сны женщины подсказали мне, что она втайне жаждала испытать нечто подобное – так же, как и альпинист, подсознательно искавший окончательного решения своих сложных проблем. Разумеется, никто из них не ожидал, что цена за это окажется непомерно высока: несколько переломов у одной, жизнь – у другого.

Таким образом, сны могут иногда превосходить определенные ситуации задолго до того, как они произойдут. Это не обязательно чудо или некая форма предзнания. Многие кризисы в нашей жизни имели долгую неосознанную предысторию. Мы приближаемся к ним шаг за шагом, не ведая о накапливающихся опасностях. Однако то, что мы упускаем из виду, часто воспринимается

Юнг Карл Густав К вопросу о подсознании filosoff.org
подсознанием, которое может передать информацию посредством сновидений.

Сны неоднократно могут предупреждать нас подобным образом, хотя почти так же часто случается, что они не делают этого. Поэтому не стоит полагать, что некая благожелательная рука время от времени удерживает нас от опрометчивых поступков. Если дать позитивную формулировку, это скорее похоже на благотворительную организацию, иногда проводящую свои акции, а иногда и нет. Таинственная "рука" может даже направить нас к гибели: сны иногда оказываются западней или похожи на нее. Случается, они ведут себя, как дельфийский оракул, предсказавший царю Крезу, что когда он перейдет реку Галис, то разрушит великое царство. Лишь потерпев сокрушительное поражение в битве, состоявшейся после переправы, он понял, что оракул имел в виду его собственное царство. К снам непозволительно относиться легковесно, ведь они – порождение духа, который ближе не к человеку, а к природе, ее дуновению; это дух прекрасного, благородного, но и жестокого божества. Чтобы описать этот дух, нам надо углубиться скорее в древние мифы или басни первобытного леса, чем в сознание современного человека. Я не отрицаю, что эволюция цивилизованного общества дала нам великие обретения, но получены они были ценой огромных потерь, масштаб которых мы едва ли начинаем различать. Одной из целей, которыми я руководствовался при сравнении первобытного и цивилизованного состояний человека, было подведение итогов этих достижений и потерь.

Первобытный человек был значительно более управляем инстинктами, чем его "рационально мыслящий" современный потомок, научившийся "контролировать" себя. В этом процессе обретения цивилизованности мы все более отделяли сознание от глубоко лежащих инстинктивных слоев нашей психики и, в конечном счете, от соматической основы психики. К счастью, мы не утратили эти первичные инстинктивные слои – они остаются частью подсознания, хотя и могут выражать себя лишь в образах сновидений. Эти инстинктивные проявления – которые и узнаешь – то не всегда из-за символического характера – играют ведущую роль в том, что я назвал компенсаторной функцией сновидений.

Для стабильного функционирования разума и психологического здоровья необходимо, чтобы подсознание и сознание были неразрывно связаны между собой и действовали скоординированно. Если связь рвется или "диссоциируется", происходит психологическое расстройство. В этом плане символика сновидений играет роль курьера, передающего послания от инстинктивных к рациональным частям разума. Расшифровка этих символов обогащает оскудевшие возможности сознания, оно учится вновь понимать забытый язык инстинктов.

Разумеется, люди не могут не ставить под сомнение эту функцию, поскольку символы сновидений очень часто не воспринимаются или не понимаются. В повседневной жизни понимание снов часто считается излишним. Я обнаружил яркую иллюстрацию этого в одном первобытном племени в Восточной Африке. К моему изумлению, все его жители утверждали, что не видят снов. Тем не менее, я вскоре обнаружил, поговорив с ними на другие темы, что сны им все-таки снятся, но они не считают их чем-то важным. "Сны обычного человека ничего не значат", – сказали они мне. Эти люди думали, что только сны вождей и знахарей имеют значение – и особенно те, что касаются благосостояния племени. Единственная незадача заключалась в уверениях и вождя, и знахаря в том, что им больше не снятся значительные сны. По их словам, это совпало с приходом в страну англичан. С тех пор функция "великих сновидений", управлявших до этого поведением племени, перешла к районному комиссару – английскому офицеру, поставленному над ними.

Когда жители племени признали, что видят-таки сны, хотя и считают их бессмысленными, они повели себя, как современный человек, думающий, что сны не имеют для него значения, поскольку он их не понимает. Однако даже цивилизованный человек иногда может обратить внимание на то, что сон (даже не оставшийся в памяти) может повлиять на его настроение в лучшую или худшую сторону. Его содержание было "воспринято", хотя и подсознательно. Так обычно и происходит. Только в редких случаях, когда сон особенно выразителен или регулярно повторяется, мы приходим к мнению, что неплохо было бы его истолковать.

Самое время предупредить теперь об опасности легкомысленного или некомпетентного анализа сновидений. Состояние ума некоторых людей настолько разбалансировано, что интерпретация их снов может быть чрезвычайно рискованным делом. В таких случаях усиливается ограниченность сознания,

Юнг Карл Густав К вопросу о подсознании filosoff.org
отсеченного от своей иррациональной или "безумной" половины – подсознания, и нельзя сводить их вместе, не приняв специальных мер предосторожности.

Обобщая, можно сказать, что верить сонникам крайне неразумно. Ни один встречающийся во сне символ нельзя отделять от личности его увидевшего, поэтому ни один сон не может быть истолкован прямо и однозначно, как это делает энциклопедический словарь, разъясняя понятие за понятием. У каждого человека столь индивидуален метод компенсирующего и дополняющего воздействия подсознания на сознание, что нельзя быть уверенным в том, что сны и их символика вообще поддаются классификации.

Верно, с другой стороны, что бывают типичные и часто встречающиеся сны и отдельные образы (я предпочел бы называть их "сюжетами"), в которых, например, вы падаете, летаете, или вас преследуют дикие звери или враждебно настроенные люди, или вы оказываетесь в общественном месте не до конца одетым или одетым абсурдно, опаздываете или теряетесь в бурлящей толпе, сражаетесь бесполезным оружием или вообще без оно, бежите изо всех сил, никуда не попадая. Типично инфантильный сюжет – это сон о превращении в лилипута или в великана, или и то и другое попеременно – как в "Алисе в стране чудес" Льюиса Кэррола. Вместе с тем, хочу еще раз подчеркнуть, что эти сюжеты следует обязательно рассматривать в контексте конкретного сна, а не как некие ключи к разгадке с раз и навсегда заданным значением.

Отдельно стоит рассмотреть повторяющиеся сны. Были случаи, когда один и тот же сон снился человеку с детства и до зрелых лет. Это явление обычно означает попытку исправить конкретный дефект в мировоззрении спящего. Иногда такие сны возникают после психологической травмы, вызвавшей предубеждение к чему-либо. Бывает, они указывают на какое-то важное событие в будущем.

Меня самого в течение нескольких лет посещал сон, в котором я находил в своем доме незнакомые помещения. Иногда это были покои, где жили мои давно умершие родители. У отца, к моему удивлению, я обнаружил во сне лабораторию, где он изучал сравнительную анатомию рыб, а у матери – гостиничные комнаты, сдававшиеся смахивавшим на привидения посетителям. Обычно крыло дома, предназначавшееся для гостей, представляло собой древнее, отмеченное печатью времени сооружение – давно забытое, хотя и принадлежащее мне по наследству. Мебель там была антикварной и весьма занятной, а в конце этой серии снов я нашел старую библиотеку с неизвестными мне книгами. Наконец, в последнем сне я открыл одну из книг и увидел чудесные иллюстрации, изобилующие чарующей символикой. Я проснулся, но мое сердце еще взволнованно билось от восторга.

Несколькими днями ранее этого заключительного сна я заказал в букинистической лавке сборник работ средневековых алхимиков – одно из классических изданий. В одной статье мне попала цитата без сноски, которая, по моему разумению, могла быть позаимствована у алхимиков Византии. Это-то я и хотел проверить. Через несколько недель после сна о неизвестной книге мне пришел сверток от букиниста. Внутри оказалась рукопись на пергаменте, написанная в XVI веке. Она была иллюстрирована захватывающими воображение картинками, сразу же напомнившими мне увиденные во сне. Поскольку открытие заново принципов алхимии стало важной частью моей работы в новых областях психологии, то мотив моего повторяющегося сна становится легко объяснимым. Дом, конечно, символизировал мою личность и сферы ее осознанного интереса, а неизвестное крыло предвещало новый круг интересов и исследований, о чем сознательный разум в то время еще не подозревал. С того времени прошло тридцать лет, но того сна я больше ни разу не видел.

Анализ сновидений

Эту книгу я начал с выявления различий между знаками и символами. Знак всегда меньше, чем представляемое им понятие, тогда как символ всегда включает в себе больше, чем его очевидное и сразу приходящее на ум значение. Более того, символ – это естественный и спонтанно возникающий продукт. Ни один гений не брался за перо или кисть со словами; "Ну, сейчас я сотворю какой-нибудь этакий символ". Ни один человек не может взять более

Юнг Карл Густав К вопросу о подсознании filosoff.org
или менее рациональную мысль, полученную путем логических умозаключений или направленным усилием, и придать ей "символическую" форму. В какие бы фантастические одежды ни облечь ее, она останется знаком, прикрывающим стоящую за ним рациональную идею, а не символом, таящим в себе что-то неведомое. Сны спонтанно порождают символы, поскольку сами случаются, а не изобретаются. Поэтому они являются основным источником всех наших знаний о том, что входит в понятие "символичность".

Я должен отметить, однако, что символы появляются не только во сне, но и в любых психических проявлениях. Бывают символические чувства и мысли, действия и ситуации. Зачастую создается впечатление, что даже неживые объекты взаимодействуют с подсознанием, создавая повторяющиеся символические ситуации. Известны многочисленные факты, достоверность которых не вызывает сомнений, когда часы останавливались после смерти владельца. Один такой случай произошел с маятниковыми часами Фридриха Великого во дворце Сан-Суси: они перестали идти после кончины императора. Известны также аналогичные случаи, когда с приходом смерти разбивается зеркало или падает картина, или когда при сильном эмоциональном возбуждении одного из живущих в доме происходят мелкие, но необъяснимые поломки.

Хотя скептики отказываются верить в подобные истории, они, тем не менее, время от времени происходят. Одно только это должно было бы стать серьезным доказательством психологического значения. Существует, кроме того, ряд символов (в том числе и важнейшие из них), которые по своей сущности и происхождению являются не индивидуальными, а коллективными. Это главным образом религиозные образы. Верующие считают их возникновение божественным – через "откровения". Скептики же категорически утверждают, что их просто придумали. Не правы ни те, ни другие.

Скептики верно отмечают, что религиозные символы и концепции веками являлись объектом заботливой и вполне сознательной работы по их усовершенствованию. Так же верно и утверждение верующих о том, что их первоисточник настолько глубоко сокрыт под таинственным покровом прошлого, что кажется, будто они имеют нечеловеческое происхождение. В действительности они есть "коллективные представления", порожденные первобытными снами и творческими фантазиями, и как таковые являются спонтанно и непреднамеренно возникшими проявлениями, никем специально не придуманными.

Этот факт, как будет разъяснено ниже, имеет непосредственное и особенное отношение к толкованию сновидений. Очевидно, что человек, придерживающийся мнения о символическом характере снов, будет толковать их иначе, чем тот, кто считает, что мысль или эмоция, несущая основной заряд энергии, заранее известна и лишь "маскируется" сном. В последнем случае толковать сны бессмысленно, ибо вы обнаружите лишь то, что заранее вам известно.

Именно по этой причине я всегда говорил ученикам: "Научитесь всему, что известно о символичности, и забудьте об этом при анализе конкретного сновидения". Этот совет настолько полезен и практичен, что я взял за правило напоминать самому себе, что я никогда не пойму чужой сон настолько, чтобы верно его истолковать.

Я делал так с целью остановки потока моих собственных ассоциаций и реакций, которые в противном случае могли бы затмить неуверенную и нестабильную реакцию пациента. Работа по исследованию содержания сна и точному определению его посыла (то есть помощи подсознания сознанию) имеет огромное терапевтическое значение и должна проводиться максимально тщательно.

Это место хорошо иллюстрирует сон, приснившийся мне еще во времена совместной работы с Фрейдом. Мне приснилось, что я нахожусь у себя дома, скорее всего на втором этаже, в уютной приятной гостиной, меблированной под XVIII век. Меня поразило, что я никогда не видел этой комнаты раньше, и я заинтересовался, что из себя представляет первый этаж. Спустившись вниз, я увидел мрачноватые апартаменты с обшитыми деревом стенами и внушительной мебелью XVI века, а может, даже более старинной. Мое удивление и любопытство усилились. Я захотел изучить весь дом и спустился в подвал. Там была дверь, за которой оказались каменные ступени, ведущие в большую комнату, походившую на склеп. Ее пол был покрыт здоровенными каменными плитами, а стены казались очень древними. Изучив кладку, я обнаружил, что раствор перемешан с кирпичной крошкой. Это явно были древнеримские стены. Мое возбуждение усилилось. В углу помещения одна из плит оказалась с

Юнг Карл Густав К вопросу о подсознании filosoff.org
металлическим кольцом. Приподняв ее, я увидел узкую череду ступеней, ведущих в какую-то пещеру, напоминавшую доисторическое захоронение. На полу виднелись два черепа, остатки костей, обломки битой посуды. На этом я проснулся.

Если бы Фрейд, анализируя этот сон, стал бы по моему методу изучать вызванные им ассоциации, а также подтекст сновидения, то чего бы только он не услышал – но, увы, он наверняка отклонил бы мой рассказ как попытку уйти от сути.

На самом деле этот сон был кратким изложением моей жизни, а точнее – этапов развития моих взглядов. Я рос в доме, построенном двести лет назад, нашей мебели было тоже около двух сотен лет, а наибольшим до сих пор потрясением души и разума было для меня столкновение с философией Канта и Шопенгауэра. Sensацией того времени стала публикация работ Чарльза Дарвина.

Незадолго до этого я жил средневековыми представлениями своих родителей, для которых весь мир с его обитателями находился под покровительством Господнего всемогущества и провидения. Эти представления можно было сдавать в утиль.

После знакомства с восточными религиями и греческой философией мои христианские убеждения стали скорее относительными. Вот почему в моем сне первый этаж был тихим, сумрачным и запустелым.

Мой тогдашний интерес к истории начался с палеонтологии и сравнительной анатомии, захвативших меня с самого начала работы ассистентом в Анатомическом институте. Меня потрясли останки ископаемого человека, особенно вызвавшего столько дискуссий *Neanderthalensis*, и черепные кости *Pithecanthropus*, обнаруженные Дюбуа.

Таковы были мои ассоциации, вызванные сном, но я не осмелился сказать об этом Фреиду, ибо он не любил упоминаний о скелетах, черепах, трупах. Он почему-то упорно считал, что я предчувствую его раннюю кончину, выводя это заключение из моего активного интереса к мумиям, выставленным в Блейкеллере под Бременом, куда мы с ним заехали в 1909 году по пути в Америку.

Так что я не хотел открывать перед ним свои мысли – и особенно после того поразившего меня случая, когда я осознал, сколь глубоки различия между воззрениями и научным багажом Фрейда и моими собственными. Я боялся, что, открывшись, я потеряю в нем друга, ибо услышанное покажется ему крайне странным. Будучи не очень уверенным в своих собственных психологических мотивах, я почти автоматически солгал, выдумав "свободные ассоциации" только для того, чтобы не заниматься непосильным делом растолковывания моего сокровенного и ни с чем не соизмеримого внутреннего мира.

Я должен принести свои извинения за столь долгое описание истории, в которую "влип", рассказав Фреиду о приснившемся. Однако на этом примере хорошо видны трудности, возникающие при профессиональном анализе сновидений. Здесь очень многое зависит от индивидуальных различий между исследователем и пациентом. Смекнув, что Фрейд ищет в моем сне ненормальное, недопустимое желание, я подкинул ему предположение, что увиденные мною во сне черепа могли означать желание смерти кого-то из моих родных. Он согласился с этим, но я был недоволен таким, высосанным из пальца, решением.

Пока я искал подходящие ответы на вопросы Фрейда, ко мне вдруг пришло интуитивное понимание роли субъективного в психологическом процессе понимания. Озарение было столь сильным, что я решил скорее закончить с возникшей путаницей, выбрав ложь как самый простой способ. Это не было элегантно или морально оправданно, но в противном случае мне бы предстояло неизбежное выяснение отношений с Фрейдом, чего мне не хотелось по многим причинам. Догадка, пришедшая ко мне, состояла в том, что мой сон означал меня самого, мою жизнь и мой мир, противопоставленных теоретическому построению, воздвигнутому чужим умом для каких-то его целей и задач. Это был мой сон, а не Фрейда, и мне внезапно открылось его значение.

Этот конфликт демонстрирует, что главное в анализе сновидений совсем не методика, которую можно выучить и применять по определенным правилам. Анализ сновидений – это прежде всего диалектический диспут двух личностей. Если подойти к нему механически, то индивидуальность пациента и его

Юнг Карл Густав К вопросу о подсознании filosoff.org
психологическое своеобразие не будут востребованы и терапевтическая задача сведется к простому вопросу: чья индивидуальность – исследователя или пациента – одержит верх?

Именно потому я и отказался от использования гипнотерапии, чтобы не навязывать свою волю испытуемым. Я хотел, чтобы процесс выздоровления вызревал благодаря личным импульсам пациентов, а не из-за моих внушений, дающих лишь кратковременный результат. Я действовал так, чтобы оберечь и сохранить достоинство и свободу моих пациентов, чтобы их жизнь направлялась их же желаниями. В диспуте с Фрейдом меня впервые осенило, что прежде чем разрабатывать общие теории о человеке и его психике, необходимо как можно ближе познакомиться с тем конкретным человеком, с которым собираешься работать.

Индивидуальное – вот единственная реальность. Чем дальше мы уходим от личности к абстрактным представлениям о homo sapiens, тем вероятнее мы совершаем ошибку. В нынешнее время социальных потрясений и необычных перемен желательно обладать большими знаниями об индивидууме, чем мы располагаем, ибо от качеств его ума и души столь многое зависит. Однако, если комплексно подходить к этому вопросу, то так же хорошо, как мы знаем наше настоящее, надо разобраться и с нашим прошлым. А для этого существенное значение имеет знание мифов и символов.

Проблема типов

В любой отрасли знания считается нормальной проверка гипотезы на безличном объекте. Это невозможно в психологии, где мы имеем дело с обязательными беседами между исследователем и пациентом, то есть двумя индивидуумами с присущей им субъективностью, от которой нельзя уйти, как нельзя обезличить личность. Собеседники, конечно, могут попытаться условиться о бесстрастном и объективном подходе, но как только начинается обсуждение, личность каждого "подключается" к нему. Продолжение диалога имеет смысл только при взаимном понимании собеседников.

Как же исследователь может объективно оценить конечный результат собеседования? Он должен сравнить свои выводы с общепринятыми, стандартными представлениями. Далее он должен оценить, в здравом ли уме его пациент, насколько его разум уравновешен. Ведь задача не в том, чтобы коллективно нивелировать индивидуума, полностью подогнав его под общественную "норму". Это было бы совершенно противоестественно. В здоровом и нормальном обществе между людьми обычны разногласия, ибо общее согласие относительно редко встречается вне сферы наших инстинктивных проявлений.

Несогласие выступает своего рода движущей силой мыслительных процессов в обществе, но не их целью – поскольку одинаково значимо и согласие. Поскольку психология опирается главным образом на баланс противоположностей, то и исследователи-психологи, прежде чем вынести окончательное суждение, должны учитывать возможность того, что истина имеет прямо противоположное значение. Причина такого специфического подхода кроется в тайне психики, которую мы не можем окончательно раскрыть, минуя психологию.

Несмотря на то, что любой сон требует индивидуального подхода, какие-то обобщения необходимы – для классификации и прояснения материалов, получаемых психологами от изучения многочисленных пациентов. Очевидно, что сформулировать теоретические основы психологии или обучать им было бы невозможно, просто описывая множество отдельных случаев и не пытаясь выделить в них сходства и отличия. Любой общий признак можно взять за основу систематизации. Достаточно просто, например, разделить экстравертов от интровертов. Это только одна из многих возможных классификаций, но она позволяет осознать трудности, которые могут появиться, если исследователь относится к одному типу, а пациент – к другому.

Поскольку углубленный анализ сновидений обязательно вызывает столкновение мнений собеседников, понятно, что сходство или различие их типов мировосприятия будет существенно сказываться на результатах. Если оба они относятся к одному типу, то их "совместное плавание" может быть долгим и

Юнг Карл Густав К вопросу о подсознании filosoff.org
приятным. Если же один из них – интроверт, а другой – экстраверт, то столкновение противоположных точек зрения может возникнуть моментально. Это особенно характерно в случае, когда собеседники знают, к какому типу они относятся, или убеждены, что их тип – единственно правильный. Экстраверт, например, выберет точку зрения большинства, а интроверт будет отвергать ее, считая "модной". Такое недопонимание легко может возникнуть, так как то, что для одного из них представляет ценность, для другого – "пустое место". Так, сам Фрейд полагал, что интроверт – это тип патологически "заикленный" на самом себе. Однако самоанализ и знание самого себя могут равным образом являться и в высшей степени положительными качествами.

Учитывать подобные отличия между разными типами личности крайне важно при толковании сновидений. Исследователь – не супермен, возвышающийся над индивидами разных типов только потому, что он – ученый, выучивший теорию психологии и соответствующие практические методики. Он может представить себя таковым настолько, насколько полагает свою теорию и методы истинными и позволяющими объять человеческую психику в целом. Но поскольку это невозможно, он не может быть уверенным в своей теории и методиках. Соответственно его будут одолевать тайные сомнения, не является ли его реакция на цельность личности пациента лишь ответом заученной теории и методик (представляющих из себя лишь гипотезу или попытку ее создания), а не ответом его собственной цельной личности.

Своеобразие личности исследователя – единственный адекватный эквивалент своеобразию личности его пациента. Опыт и знания по психологии дают ученому некоторые преимущества, но не позволяют не участвовать в схватке. Столкновение позиций выявляет сильные и слабые стороны обоих участников, а не только пациента. Поэтому так важно, гармонируют ли их личности, или конфликтуют, или взаимодополняют друг друга.

Экстраверты и интроверты суть лишь две разновидности из множества людских типов. Эти довольно часто встречаются, и их легко распознать. Но если начать изучать, например, экстравертов, то скоро обнаружится, что они во многом отличаются друг от друга и что для выделения в качестве критерия принадлежность к экстравертам является слишком общей. Вот почему давным-давно я пытался отыскать какие-то дополнительные критерии, по которым можно было бы как-то рассортировать бесконечное, по всей видимости, число вариаций человеческой индивидуальности.

Меня всегда поражало количество людей, воздерживающихся от напряжения мозгов при каждом удобном случае. Как, впрочем, и количество тех, кто хоть и работает мозгами, но на удивление беспомощно. Неожиданными для меня были и встречи с людьми умными и внимательными – их было довольно много, – жившими (как казалось со стороны) будто не умея пользоваться своими органами чувств. Они не видели находящихся прямо перед ними предметов, не слышали адресованных им слов, не замечали свойств вещей, к которым прикасались, и вкуса еды, которую пробовали. Были такие, что жили, не обращая внимания на свое физическое состояние.

Другие, казалось, жили в удивительнейшем ощущении неизменности, будто мир вокруг и их душа застыли навсегда в неподвижности и ничего нельзя изменить. Они были будто напрочь лишены воображения и полагались целиком и полностью на свои органы чувств. В их мире не существовали шансы и возможности, они жили только сегодняшним днем, а завтрашнего не существовало. Будущее для них – лишь повторение прошлого.

Я пытаюсь здесь передать читателю набросок моих первых впечатлений от изучения встречавшихся мне людей. Скоро я понял, что есть люди думающие, то есть использующие ум для адаптации к людям и ситуациям, а есть чувствующие. Последние могут быть не глупее первых, просто они решают свои проблемы не умом, а чувствами.

"чувство" – это слово, требующее пояснений. О "чувстве" можно говорить как о чем-то сентиментальном (от французского *sentiment*). Это же слово применяется и для высказывания мнения. Сообщение из Белого Дома, например, может начинаться словами: "Президент считает..." (в дословном переводе с английского эта фраза звучит так: "Президент чувствует" (Прим. пер).). Кроме того, это слово может использоваться для передачи интуитивного ощущения: "У меня было чувство, будто..."

Когда я противопоставляю "чувство" "размышлению", я имею в виду метод

Юнг Карл Густав К вопросу о подсознании filosoff.org
определения свойств предметов: приятный или нет, плохой или хороший и т. д. В этом смысле "чувство" не является эмоцией (предполагающей спонтанность). Чувство в моем понимании здесь – это (как и размышление) рациональная (то есть упорядочивающая) функция в отличие от интуиции – иррациональной (то есть воспринимающей) функции. Коль скоро интуиция – это "озарение", она не является результатом преднамеренного действия. Это скорее случайное событие, определяемое различными внешними и внутренними обстоятельствами, но никак не акт суждения. Интуитивное восприятие более сходно с восприятием органами чувств, которое также иррационально, коль скоро зависит прежде всего от объективных раздражителей физического, а не ментального происхождения.

Таким образом, сознание ориентируется в окружающем следующими четырьмя функциональными способами: через ощущение (то есть восприятие органами чувств), указывающее на наличие чего-то; размышление, поясняющее нам, что это; чувство, говорящее нам, приятно это или нет, и интуицию, подсказывающую, откуда и куда оно идет.

Эти четыре способа можно избрать в качестве критериев разделения людей на типы. Читатель понимает, что критериев может быть сколько угодно – и сила воли, и темперамент, и сила воображения, и память, и так далее. Перечисленные четыре взяты условно, из-за удобства для систематизации. Они бывали особенно полезны, когда требовалось объяснить или детям поведение их родителей, или женам – их супругов, и наоборот. Кроме того, они помогают понять собственные предрассудки.

Так, если вы хотите понять сон другого человека, вы должны пожертвовать своими предпочтениями и подавить свои предрассудки. Это не так легко и не удобно, поскольку означает необходимость морального усилия, что любят далеко не все. Однако если исследователь не постарается критически взглянуть на свою точку зрения и признать ее относительность, он не получит ни правдивой информации о мышлении пациента, ни достаточного доступа к его сокровенным мыслям. Исследователь ждет от пациента по меньшей мере готовности прислушаться к его мнению и серьезно отнестись к нему. Аналогичное право должно быть и у пациента. Хотя необходимость таких отношений для взаимопонимания очевидна, психоаналитик должен постоянно напоминать себе для лечения пациента более важно понимание, а не то, сбудутся или нет теоретические прогнозы исследователя. Не всегда плохо, что пациент сопротивляется процессу расшифровки сна. Скорее всего, это означает какую-то "нестыковку". Или пациент что-то не совсем понял, или толкование не совсем верное.

При расшифровке символики сновидений другого человека нам почти всегда мешает привычка заполнять неизбежные пробелы в понимании проекцией своих мыслей и восприятия, как если бы пациент думал и чувствовал так же, как исследователь. Для борьбы с этой ошибкой я всегда настаивал на необходимости строго придерживаться материала конкретного сна, исключая все общетеоретические положения о сновидениях, кроме гипотезы о некоторой их осмысленности.

Из всего сказанного выше ясно следует, что изложить общие правила толкования сновидений невозможно. Предположив ранее, что основной функцией снов является, судя по всему, компенсация недостатков или искажений в сознании, я имел в виду, что такой подход весьма и весьма перспективен для раскрытия природы сновидений. В приводимых ниже примерах наглядно проявляется эта функция сновидений.

Один из моих пациентов был очень высокого мнения о себе и не подозревал, что почти все, с кем он сталкивался, приходили в раздражение от его вида морального превосходства. Он пришел однажды рассказать мне сон, в котором напившийся бродяга брел, шатаясь, по канаве. Этот сон вызвал у него лишь снисходительное замечание: "Это ужасно, как низко может пасть человек". Очевидно, что неприятное содержание сна было, по крайней мере отчасти, попыткой компенсировать его преувеличенное мнение о собственных достоинствах. Но оказалось, что это еще не все. Выяснилось, что у него был брат – опустившийся алкоголик. Таким образом, сон показал, что его завышенная самооценка была компенсацией за брата как с внешней, так и с внутренней стороны.

В другом случае одна женщина, гордившаяся своими познаниями в психологии, жаловалась на повторяющиеся сны о своей знакомой, о которой в обычной жизни

Юнг Карл Густав К вопросу о подсознании filosoff.org
она была невысокого мнения – как о нечестной тщеславной интриганке. Однако во сне она преобразалась почти что в сестру, ласковую и приветливую. Пациентка не могла понять, почему ей снятся хорошие сны о неприятном человеке. На самом деле эти сны были попыткой передать мысль о том, что на ней лежит "тень" подсознательного, напоминающая по характеру ту женщину. Пациентке, имевшей четкое представление о себе, было сложно представить, что сон говорил об имеющемся у нее в подсознании комплексе силы и скрытых предубеждениях, не раз приводивших к крупным ссорам с друзьями. Ранее она винила в этом других, но только не себя.

Мы можем не заметить, проигнорировать или подавить не только "тенивые" стороны нашей личности, но и ее достоинства. Как пример этого мне вспоминается один очень приятный и, судя по всему, скромный мужчина, стремившийся не привлекать к себе излишнего внимания. На любом мероприятии для него было важно не место – задние ряды его вполне устраивали, – а участие: обычно он деликатно, но твердо добивался приглашения. Спросив его о чем-нибудь, вы убедились бы в его хорошей информированности, но свое мнение он никогда не навязывал. Иногда он намекал, однако, что затронутый вопрос мог бы решиться значительно эффективнее и на более высоком уровне (впрочем, не разъясняя, как именно).

При этом ему постоянно снились беседы с великими деятелями прошлого – такими как Наполеон или Александр Великий. Было ясно, что сны эти компенсировали его комплекс неполноценности. Но было у них и еще одно значение. Сон как бы спрашивал за него: "Что же я за человек такой, если ко мне приходят столь высокие гости?" (В этом отношении содержание снов указывало на скрытую манию величия, уравнивавшую комплекс неполноценности. Подсознательная мысль о некоей избранности обособляла его от окружающих реалий и позволяла оставаться равнодушным перед обязательствами, которые других бы омрачали. Он не чувствовал необходимости доказывать ни себе, ни другим, что превосходство его точки зрения вытекает из его больших достоинств.

В сущности, он неосознанно играл в двулличную игру, и сны пытались довести ее суть до сознания окольным образом. Ведь иметь в приятелях Наполеона, а в собеседниках – Александра Великого, такое может почудиться только человеку, страдающему от комплекса собственной незначительности. Напрашивается вопрос: а почему бы сну прямо и открыто не заявить об этом без всяких околичностей?

Меня нередко спрашивали об этом, да и сам я не раз задавал такой вопрос себе. Очень часто меня поражали ухищрения, на которые пускались сновидения, лишь бы избежать определенности в их сообщении или обойти главное звено. Фрейд допускал, что у психики существует специфическая функция, которую он назвал "цензорской". Он предположил, что ее роль состоит в искажении сновидений, доведении их до вводящей в заблуждение неузнаваемости с тем, чтобы сбить с толку спящее сознание относительно действительного объекта сна. Пряча критическую мысль от спящего, "цензор" тем самым охраняет его от шока неприятных реминесценций. Я, однако, скептически отношусь к теории о том, что сны – это стражники крепкого сна, ведь часто они мешают спать.

Скорее это выглядит, как будто сознание "высвечивает" подпороговое содержимое психики. Подсознание хранит идеи и образы в существенно меньшем напряжении, чем то, что присуще осознанному состоянию. Под порогом сознания теряется яркость изображения, а связи между образами и идеями становятся менее последовательными и рациональными, более зыбкими, близкими к аналогии и, следовательно, все более неразличимыми. Это ощущается и в состояниях, близких ко сну, усталости, ознобе или отравлении. Но если что-то вдруг добавляет энергии любому из этих туманных образов, то по мере продвижения от неосознанности к порогу осознания восприятие их становится четче.

Отсюда ясно, почему сны часто проявляют себя как аналогии или почему один образ сновидения перетекает в другой, и при этом ни логика, ни обычное для бодрствования восприятие времени, похоже, не действуют. Формы, принимаемые снами, обычны для подсознания, поскольку материал, из которого они складываются, удерживается в подсознании именно в таком виде. Сновидения вовсе не охраняют крепкий сон от "недопустимых желаний", как назвал их Фрейд. То, что он назвал "маской", в действительности – форма, которую любые импульсы естественным путем принимают в подсознании. Таким образом, сон не может породить сформулированную мысль. Как только он попытается это сделать, он перестанет быть сновидением, ибо он пересечет порог осознания.

Юнг Карл Густав К вопросу о подсознании filosoff.org
Вот почему сны будто перескальзывают через самые важные для бодрствующего разума моменты, представляя как бы "обрамление" дня сознания – подобно чуть мерцающим звездочкам, появляющимся при полном затмении солнца.

Следует понимать, что символы сновидений большей частью являются не контролируемые сознанием проявления психики. Смысл и целенаправленность не являются прерогативой ума – вся живая природа наделена ими. Нет принципиальных отличий между органическим и психическим процессом роста. Как растение порождает соцветия, так психика порождает символы. Любой сон подтверждает это.

Таким образом, через сны (а также озарения, всевозможные импульсы и другие спонтанные явления) силы инстинктивного воздействуют на деятельность сознания. Будет ли эффект такого воздействия позитивным или негативным, зависит от сиюминутного состояния подсознания. Если оно содержит чересчур много такого, что в нормальной ситуации должно осознаваться, то его функции начинают искажаться: появляются предубеждения, возникают мотивы, психическое значение которых определяется не здоровыми инстинктами, а принуждением или пренебрежением. Эти мотивы накладываются на здоровую подсознательную область психики, тем самым искажая ее естественную функцию генерирования первичных символов и сюжетов.

Вот почему психоаналитику, разбирающему случаи умственных расстройств, стоит начинать с того, чтобы добиться от пациента более или менее добровольного рассказа об его недостатках и осмысления всех его антипатий и страхов. (Это напоминает древний церковный институт исповеди, во многом предвосхитивший современные психологические методы). Таково, во всяком случае, общее правило. На практике, однако, если у пациента развито непреодолимое чувство собственной неполноценности или серьезное недомогание, это может весьма затруднить и даже полностью помешать ему осознать новые доказательства собственной несостоятельности. Поэтому я часто находил полезным начинать работу с пациентом с позитивного вступления, обеспечивающего ему поддержку и ощущение безопасности при переходе к анализу болезненных проблем.

Рассмотрим для примера сон о самовозвеличивании, в котором спящий пьет чай с английской королевой или запросто болтает с папой римским. Если тот, кому это приснилось, не шизофреник, то практическое толкование этой символики будет в значительной степени зависеть от сегодняшнего состояния его разума или от состояния его "я". Если пациент переоценивает собственные достоинства, то легко показать (на ассоциативном материале) неадекватность и ребячливость его намерений, во многом обусловленных детским стремлением быть похожим на родителей или превзойти их. Но если это случай неполноценности, когда всепроникающее чувство ненужности уже захлестнуло все положительные качества личности пациента, то было бы крайне неправильно еще более подавлять его показом того, какой он инфантильный, нелепый и даже испорченный. Это резко усилило бы его чувство незначительности, а также вызвало бы лишь сопротивление лечению.

Нет такого терапевтического метода или доктрины, которые подходили бы каждому больному, ибо любой пациент – это личность, находящаяся в своем особом состоянии. Я помню одного больного, лечение которого заняло девять лет. Каждый год я наблюдал его всего несколько недель, поскольку остальное время он находился за границей. С самого начала я понял, что его беспокоит, но столкнулся с тем, что малейшая попытка с моей стороны приблизиться к истине вызвала бурную защитную реакцию, угрожавшую перерасти в полный разрыв отношений. Нравилось мне это или нет, но я был вынужден предпринимать все усилил для того, чтобы сохранить отношения, и следовать его настроениям, которые, вслед за его снами, вводили нас далеко от сути его невроза. Тематика наших бесед была настолько широка, что я едва не винил себя в том, что ввожу в заблуждение пациента. Только лишь медленное, но заметное улучшение его состояния удерживало меня от того, чтобы раскрыть ему грубую истину.

На десятый год, однако, больной объявил себя полностью выздоровевшим и избавившимся от всех мучивших его расстройств. Я был крайне удивлен, так как теоретически он был неизлечим. Заметив мое изумление, он сказал, улыбаясь (цитирую): "Больше всего я благодарен вам за безупречные чуткость и терпение, позволившие перехитрить болезненный источник невроза. Теперь я готов вам рассказать о нем. Если бы я мог раньше спокойно говорить об этом, то на первой же консультации рассказал бы все. Но тогда мои

Юнг Карл Густав К вопросу о подсознании filosoff.org
отношения с вами не сложились бы. Куда бы я тогда обратился? Я оказался бы моральным банкротом. За десять лет я научился доверять вам, и по мере роста моего доверия улучшалось и мое состояние. Я выздоровел, потому что этот постепенный процесс восстановил мою веру в самого себя. Теперь у меня достаточно сил, чтобы обсуждать терзавшую меня проблему".

Затем он с опустошающей откровенностью рассказал свою боль, и тогда я понял, почему процесс лечения проходил в такой необычной форме. Дело в том, что пережитый пациентом шок был такой силы, что он не мог в одиночку противостоять ему. Он нуждался в чьей-то поддержке, а терапевтическая задача заключалась здесь не столько в применении клинической теории, сколько в постепенном восстановлении доверия.

Случаи, подобные описанному, научили меня приспосабливать методику к особенностям конкретного пациента, а не углубляться в общетеоретические размышления, которые могут оказаться неприменимыми на практике. Накопленное за шестьдесят лет практики знание человеческой природы научило меня рассматривать каждый случай болезни как новый, к которому я должен подобрать особый ключ. Иногда я, не колеблясь, погружался в тщательный анализ событий и фантазий детства; другой раз начинал с верхушки, даже если это означало головокружительный подъем к вершинам отвлеченной метафизической мысли. Главное – понять язык индивидуальности больного и вместе с его подсознанием на ощупь пробираться к свету. И здесь от случая к случаю могут требоваться совершенно разные приемы.

Это особенно верно для толкования символов. Двум разным людям могут присниться почти идентичные сны. (Клиническая практика быстро обнаруживает, что подобные совпадения не так необычны, как может показаться неспециалисту). Тем не менее, если один из них молод, а другой – в годах, то проблемы, беспокоящие их, будут отличаться, а значит, и давать их снам одно и то же толкование было бы нелепо.

Подходящим примером может служить сон о том, как группа молодежи скачет на лошадях по бескрайнему полю. Тот, кому снится – впереди, он прыгает через ров с водой и берет это препятствие. Остальные падают в ров. Молодой человек, рассказавший мне этот сон, был осторожным интровертом. Однако такой же сон я слышал и от пожилого человека, отважного по натуре, всегда очень активного и предприимчивого. Когда ему приснился этот сон, он был инвалидом, приносящим немало хлопот докторам и сиделкам. Несоблюдение предписаний врачей шло ему во вред.

Мне было ясно, что молодому человеку сон говорил, что он должен делать, а пожилому – указывал на то, что он еще продолжал делать. Молодого и колеблющегося этот сон воодушевлял, старый же не нуждался ни в каком воодушевлении, так как все еще переполнявший его дух приключений стал в действительности для него обузой. На этом примере хорошо видно, что толкование снов и символов во многом зависит от состояния разума сновидца и особенностей его жизни.

Архетип в символике сновидений

Я уже высказывал предположение о том, что сны выполняют задачу компенсации. Это допущение означает, что сновидение – это обычное психическое явление, в процессе которого неосознанные реакции или спонтанные импульсы передаются сознанию. Многие сны можно расшифровать с помощью сновидца, Его объяснения по поводу подтекста сна и вызываемых его символикой ассоциаций зачастую позволяют охватить все аспекты сновидения.

Этот метод применим при обычных ситуациях, когда вы слышите сон-другой от родственника, приятеля или пациента в разговоре с ними. Однако когда речь идет о серии навязчивых снов или о снах с ярко выраженной эмоциональной окраской, личных ассоциаций сновидца обычно не хватает для удовлетворительного толкования. В таких случаях мы должны принять во внимание явление (впервые описанное и откомментированное Фрейдом), заключающееся в частом попадании в сновидения элементов, не принадлежащих личности сновидца и никак не соотносимых с его опытом. Эти элементы, уже упоминавшиеся выше, были названы Фрейдом "останками древности" и представляют собой образные мысли, объяснение присутствия которых нельзя

Юнг Карл Густав К вопросу о подсознании filosoff.org
обнаружить в жизни сновидца. Похоже, что они являются первозданными, врожденными и унаследованными от первобытных людей формами разума.

Раз человеческое тело представляет из себя целую галерею органов, у каждого из которых своя долгая история эволюции, логично было бы ожидать такого же устройства и от разума. Последний не может не иметь предыстории, коли она была у тела, в котором разум обитает. Говоря о "предыстории", я вовсе не имею в виду, что разум развивается, соотносясь с прошлым посредством языка и других традиций культуры. Я имею в виду биологическое, неосознанное развитие ума в доисторическую эпоху наших древних пращуров, психика которых еще не далеко ушла от животных.

Эта неизмеримо древняя психическая материя образует основу нашего разума подобно тому, как структура нашего организма повторяет общие анатомические черты млекопитающих. Натренированный взор анатома или биолога сразу же отыщет многочисленные следы этих общих черт в теле человека. Точно так же опытный исследователь разума обнаружит много аналогий в том, что снится современным людям, с творениями первобытного разума – его коллективными представлениями, образами и мифологическими сюжетами.

Биолог прибегает к сравнительной анатомии, и психотерапевту тоже требуется своего рода "сравнительная анатомия психики". Ему в действительности надо иметь не только достаточный опыт в области снов и других проявлений деятельности подсознания, но и глубокие познания в мифологии, в самом широком смысле этого слова. Не владея таким инструментарием, невозможно отслеживать указанные аналогии, а это очень важно. Как, например, распознать их в неврозе принуждения и в классическом случае одержимости демонами, не имея достоверных знаний о том и другом?

Мой подход к "останкам древности", которые я называю "архетипами" или "первообразами", постоянно подвергался критике со стороны людей, не имеющих достаточных знаний в психологии сновидений и в мифологии. Термин "архетип" часто понимают неправильно – как означающий некоторые вполне определенные мифологические образы или сюжеты. Таковые, однако, суть лишь осознанные представления, и было бы нелепо полагать, что они с их изменчивостью могут передаваться по наследству.

Архетип проявляется в тенденции формирования этих представлений вокруг одной центральной идеи: представления могут значительно отличаться деталями, но идея, лежащая в основе, остается неизменной. Существует, например, много представлений о братской вражде, но сама идея не меняется. Мои критики сочли – и это не верно – что я имею дело с "унаследованными представлениями", и отвергли из-за этого идею архетипа как нечто суеверное. Они не приняли во внимание, что если бы архетипы порождались нашим сознанием (или обретались им), то мы бы наверняка понимали их, а не приходили бы в замешательство или изумление при их явлении нашему сознанию. В сущности, они представляют собой заложенные инстинктом устремления, такие же, как у птиц к гнездованию, а у муравьев к устройству упорядоченных поселений.

Здесь я должен прояснить вопрос о связи, существующей между инстинктами и архетипами. То, что мы называем инстинктами, есть собственно физиологические потребности, воспринимаемые органами чувств. Одновременно они проявляют себя в фантазиях, зачастую обнаруживая свое присутствие лишь в символически-образной форме. Такие проявления я и называю архетипами. Как они впервые возникли, никто не знает, а появиться они могут – и появляются – в любое время и в любом месте, даже там, где исключена возможность прямой или перекрестной (через миграцию) передачи подобной информации по наследству.

Я помню много случаев, когда ко мне обращались люди, сбитые с толку своими снами или снами своих детей. Они терялись в догадках, но не могли понять смысл явленных во сне образов, которые не увязывались ни с событиями их жизни, ни жизни их детей. И это несмотря на высокую образованность некоторых из них. В числе их. были даже психотерапевты.

Я хорошо помню одного профессора, имевшего видение и подумавшего, что он сходит с ума. Он пришел ко мне в состоянии полнейшей паники. В ответ я просто взял с полки книгу, написанную около четырехсот лет назад, и показал пациенту гравюру по дереву, изображавшую в точности то, что ему явилось. "Нет причин думать, что вы нездоровы, – сказал я ему. – О вашем видении

Юнг Карл Густав К вопросу о подсознании filosoff.org было известно еще четыреста лет назад". После этого он, совершенно обессиленный, опустился в кресло, но на голову больше не жаловался.

Однажды ко мне обратился мужчина, психиатр по профессии, по очень серьезному поводу. На одну из консультаций он принес написанную от руки книжечку, подаренную ему десятилетней дочерью по случаю Рождества. В ней были описаны ее сны двухлетней давности. Снов причудливее я не встречал и хорошо мог понять, почему отец девочки более чем озадачен их содержанием. Хотя и детские, они производили жуткое впечатление. Отцу было совершенно непонятно, откуда могли взяться такие фантазии. Наиболее примечательными были следующие сюжеты:

1. "Лютый зверь", змееподобный монстр, усеянный рогами, убивает и пожирает всех других зверей. Но с четырех углов приходит Бог, а в действительности четыре разных божества, и оживляет всех убитых животных.
2. Вознесение на небеса, где в полном разгаре праздник языческих танцев; и сошествие в ад, где ангелы творят добро.
3. Орда маленьких зверьков угрожает спящей. Вдруг они вырастают до огромных размеров, и один съедает девочку.
4. В мышку проникают черви, змеи, рыбы и человекоподобные существа. Так мышь превращается в человека. Иллюстрирует четыре стадии происхождения человечества.
5. Видна как бы под микроскопом капля воды. Девочка видит, что капля наполнена ветками деревьев. Иллюстрирует происхождение мира.
6. Плохой мальчик держит ком земли и бросается во всех, кто проходит. Тем самым все проходящие мимо становятся плохими.
7. Пьяная женщина сваливается в реку и выходит из нее помолодевшей и трезвой.
8. Сцена в Америке, где множество людей скатываются к муравейнику, где их атакуют муравьи. Спящая в панике падает в речку.
9. Пустыня на Луне, в пески которой спящая проваливается так глубоко, что попадает в ад.
10. Девочка видит светящийся шар. Она касается его, из него идет пар, появляется мужчина и убивает ее.
11. Девочке снится, что она опасно больна. Вдруг прямо из-под кожи появляются птицы и покрывают полностью ее тельце.
12. Тучи комаров закрывают солнце, луну, все звезды, кроме одной, которая падает на спящую.

В оригинале рукописи на немецком языке каждый сон начинался словами старой сказки: "Как-то раз, давным-давно...". Тем самым девочка хотела передать свое ощущение сна как своего рода сказки, которую она хочет поведать папе в качестве рождественского подарка. Отец пытался истолковать сны, исходя из контекста жизни его семьи, но у него ничего не получилось, поскольку мотивы сновидений не имели даже ассоциативной связи с личным опытом членов семейства.

Разумеется, исключить возможность сознательного придумывания этих сновидений мог только человек, достаточно хорошо знающий ребенка, чтобы положиться на его правдивость. (Тем не менее и в этом случае они остались бы вызовом нашему пониманию). В данном случае отец был убежден в достоверности снов, и у меня нет оснований сомневаться в этом. Я был лично знаком с девчушкой, но не мог спросить ее про сновидения, так как тогда подарок еще не был вручен. Жила она за границей, а через год после того Рождества умерла от инфекционной болезни.

Ее сны явно необычны. Главная идея каждого из них явно несет философскую нагрузку. Первый, например, говорит о злом монстре, убивающем других зверей, однако Господь вновь дарует им жизнь посредством божественного Апокатастасиса или возрождения. В западном обществе эта идея известна

Юнг Карл Густав К вопросу о подсознании filosoff.org благодаря христианской традиции. Ее можно найти в Деяниях Апостолов (3,21): "...Христа, которого небо должно было принять до времен совершения (Слово "совершение" употреблено здесь в значении "преобразовать, доводя до совершенства" (Прим. ред).) всего..." Древнегреческие отцы Церкви (в частности, Диоген) особенно настаивали на идее того, что, когда наступит конец времен, всякая вещь будет восстановлена Спасителем в своем первоначальном и совершенном виде. Однако согласно Евангелию от Матфея (17, 11) существовало древнееврейское предание об Илиии, о котором сказано, что он "должен придти прежде и устроить все". Первое послание к Коринфянам (15, 22) так излагает ту же идею: "Как в Адаме все умирают, так во Христе все оживут".

Можно было бы предположить, что ребенку подобные мысли были навеяны катехизисом. Однако религиозная подготовка девочки была весьма слабой. Ее родители называли себя протестантами, но с Библией были знакомы лишь понаслышке. Особенно маловероятно, что девочке объясняли глубочайшую идею Апокатастасиса. Определенно, ее отец никогда и сам не слышал об этом легендарном образе. Девять из двенадцати снов развивают тему разрушения и восстановления. И ни один из них не несет следов знакомства с христианской традицией. Наоборот, они ближе к первобытным мифам. Связь с ними подтверждается появлением другой темы – "космогонического мифа" (о сотворении мира и человека) в четвертом и пятом сновидениях. Эта связь прослеживается и в Первом послании к Коринфянам (15, 22), только что процитированном, где Адам и Христос (смерть и воскресение) соединены вместе.

Общая идея о Христе-Спасителе относится к всемирной и дохристианской теме героя-избавителя, который, будучи съеден чудовищем, появляется чудесным образом опять, победив проглотившее его чудовище. Когда и где появилась эта идея, никто не знает. Мы даже не знаем, как подступиться к этой проблеме. Очевидно одно; каждое поколение, судя по всему, воспринимает эту тему как предание, дошедшее от прадедов. Таким образом, мы смело можем предположить, что "начало" было заложено в те времена, когда человек не осознавал, что у него есть миф о герое, – то есть тогда, когда он еще не мог сознательно размышлять о том, что произносит вслух. Фигура героя – это архетип, существующий с незапамятных времен. Появление архетипов у детей имеет особенно важное значение, поскольку в этих случаях, как правило, больше уверенности в отсутствии прямого доступа ребенка к той или иной теме. В данном случае семья девочки была лишь поверхностно знакома с христианской традицией. Христианские мотивы можно, конечно, представить идеями о Боге, ангелах, Небесах, Преисподней и силах зла. Но манера, в которой они преподнесены у девочки, указывает на абсолютно не христианское их происхождение.

Возьмем первый сон о Боге, предстающем в облике четырех божеств, приходящих из "четырех углов". Что это за углы? Ведь сон не упоминает ни о какой комнате. Да комната и не вписалась бы в картину по всей видимости космического масштаба с участием самого Вседержителя. Четверичность сама по себе довольно странна как идея, хотя и играет большую роль во многих религиях и философских системах. У христиан ее превосходит понятие Троицы, известное, надо признать, той девчужке. Но много ли сегодня найдется таких обычных бюргерских семей, в которых слышали хоть что-то о божественной четверичности? Эта идея была одно время довольно известна среди средневековых адептов алхимии. Однако уже в начале XVIII века она сошла на нет и по меньшей мере два столетия находилась в полнейшем забвении. Откуда в таком случае могла подобрать ее девочка? Из видения Иезекииля? Но в христианстве не тождественны Бог и херувим.

Тот же вопрос можно было бы задать и по поводу рогатого змея. Да, в Библии упоминаются многие звери с рогами – в книге Откровений, например. Однако все они, судя по всему, четвероноги, хотя их повелителем является дракон, что по-гречески (Drakon) также означает змею. В работах алхимиков XVI века встречается рогатый змей, называемый *quadricornutus serpens* (четырёхрогий змей). Он символизирует планету Меркурий и противопоставляется христианской Троице. Но это весьма шаткое свидетельство. Насколько мне удалось проверить, лишь один автор упоминает об этом, и девочка никак не могла его прочесть.

Во втором сне появляется явно не христианская идея – общепринятые ценности, перевернутые с ног на голову: языческие пляски в раю и благодеяния ангелов в аду. Эта символика предполагает относительность моральных ценностей. Как

Юнг Карл Густав К вопросу о подсознании filosoff.org
ребенок мог подступить к такой революционной мысли, достойной гения Ницше?

Эти вопросы заставляют задать еще один: в чем компенсаторное значение этих снов? Ведь девочка несомненно придавала им значение, раз подарила отцу на Рождество. Если бы такие сны приснились какому-нибудь первобытному шаману, то было бы логично предположить, что это вариации размышлений о смерти, возрождении или восстановлении, о происхождении мира, создании человека и относительности ценностей. Однако пытаться истолковать их с позиций личного опыта было бы безнадежно трудным делом. Бесспорно, эти сны передают "коллективные образы", сходные отчасти с тем, чему обучали юношей в первобытных племенах перед их посвящением в мужчины. Тогда им говорили о боге или божествах, или о животном – "основателе племени", о том, как они создали мир и человека, а также о конце мира и значении смерти. Практикуются ли у нас, христиан, аналогичные поучения молодых? В годы юности – да. Но многие люди опять начинают размышлять о подобных вещах в старости, незадолго до смерти.

Получилось так, что та девочка находилась одновременно в двух указанных ситуациях: она приближалась к половой зрелости и... к концу своей жизни. В символике ее сновидений почти ничто не указывало на приближение нормальной взрослой жизни, но было предостаточно намеков на разрушение и восстановление. Когда я впервые прочел их, меня охватило жуткое ощущение несчастья. Ведь эти символы указывали на совершенно особый характер компенсирования, которого никак нельзя было ожидать у девочки такого возраста.

Сны открывали неожиданную и довольно жутковатую сторону жизни и смерти. Было бы понятно, если бы нечто подобное приснилось пожилому человеку, оглядывающемуся на прожитую жизнь, но не ребенку, у которого все еще впереди. От этих снов веяло не радостью переполненной чувствами юности, а ощущением подступившей старости, когда жизнь воспринимается как "скоротечный сон", как гласит древнеримское изречение. Ибо жизнь этого ребенка была похожа на *ver sacrum movendum* (обет жертвы весенней), как сказал известный поэт древнего Рима. Практика показывает, что невидимо приближающаяся смерть отбрасывает *adumbratio* (тень предваряющую) на жизнь и сны жертвы. Даже алтарь в христианских церквях символизирует, с одной стороны, захоронение, а с другой – место возрождения, то есть трансформацию смерти в жизнь вечную.

Вот такие идеи пришли ребенку во сне. Они явились как бы кратким курсом подготовки к смерти, состоящим из коротких историй наподобие тех, что сообщались в первобытных племенах юношам при инициации, или дзен-буддистских коанов.

По содержанию они отличались от ортодоксальной христианской доктрины, более походя на древние представления первобытных людей. Создавалось впечатление, что они возникли на обочине исторического процесса в давно забытых психических источниках, питающих с незапамятных времен философские и религиозные размышления о жизни и смерти.

Это выглядело, как если бы события будущего отбрасывали тень в настоящее, пробуждая у ребенка обычно не дающие о себе знать характерные мысли, описывающие или сопровождающие приближение фатального исхода. Хотя специфическая форма их проявления у каждого человека индивидуальна, они всегда соответствуют одной общей схеме, которая является коллективным созданием. Они встречаются повсеместно и во все времена, подобно тому, как инстинкты у животных от вида к виду сильно изменяются, но служат одним и тем же общим целям. Мы не считаем, что каждое вновь рожденное животное создает или приобретает свои инстинкты в индивидуальном порядке. Следовательно, мы не должны полагать, что и человек, родившись, начинает изобретать заново человеческий образ действий. Как и инстинкты, схемы коллективной мысли являются по отношению к человеческому разуму врожденными и унаследованными. И действуют они при возникновении соответствующих обстоятельств более или менее одинаковым образом у всех нас.

Эмоциональные проявления, к которым относятся и мыслительные схемы, узнаваемо идентичны повсюду. Мы можем распознать их и у животных, которые понимают друг друга в этом отношении, даже если принадлежат к различным видам. А насекомые с их способностью к сложным функциям симбиоза? Большинство из них не знает своих родителей, у них нет никого, кто мог бы

Юнг Карл Густав К вопросу о подсознании filosoff.org
обучить их. Зачем же допускать, что человек – единственное существо, лишенное специфических инстинктов, или что его психика лишена каких бы то ни было следов эволюционного развития? Разумеется, если отождествлять психику и сознание, то легко можно прийти к ошибочной идее, что человек приходит в мир с незаполненной психикой, а в последующие годы она лишь аккумулирует личные опыт и впечатления. Но психика больше, чем сознание. У зверей сознания мало, но многие импульсы и реакции указывают на наличие психики; первобытные люди делают многое неосмысленно, не понимая значения своих действий.

Многие образованные люди не представляют подлинного значения рождественской елки или пасхального яйца. То есть, они что-то делают, не зная зачем. Я склонен считать, что испокон веков люди что-то делали, чем-то занимались, и лишь спустя долгое время кто-то задался вопросом: зачем все это делается? Врач-психотерапевт постоянно имеет дело с пациентами, которые в других ситуациях вполне разумны, но в клинике ведут себя весьма специфически. Их действия непредсказуемы, а сами они не имеют ни малейшего понятия о том, что делают или говорят. Их как будто внезапно охватывает необъяснимое состояние неадекватности. Снаружи кажется, что такие реакции и импульсы имеют глубоко личностную природу. В действительности же они направляются предопределенной и всегда готовой к действию системой инстинктов, свойственных именно человеку. Характерные мысли, всеми понимаемые жесты, многие позы следуют шаблонам, сложившимся задолго до обретения человеком способности к рассудочному мышлению.

Можно даже предположить, что первоначально способность человека к размышлению возникла благодаря болезненному переживанию какого-то сильного эмоционального потрясения. Возьмем как пример бушмена, который, разъярившись до иступления от неудачной рыбалки, сворачивает шею своему любимому и единственному сыну. Глядя затем на бездыханное тельце в своих руках, он понимает, что совершил непоправимое, и его охватывает безмерная горечь утраты. Теперь эта боль запомнится ему навсегда.

Мы не можем узнать, действительно ли такого рода переживания были первопричиной развития человеческого сознания. Но не вызывает сомнений, что переживание подобного шока часто необходимо, чтобы человек очнулся и начал обращать внимание на то, что он делает. Широко известен случай, происшедший в XIII веке с испанским дворянином Раймондом Луллием. После долгих усилий ему наконец удалось добиться тайного randevu с дамой своего сердца. Она молча приспустила платье и показала ему грудь, обезображенную раком. Испытанное потрясение переменяло жизнь идадьго – он стал известным теологом и одним из известнейших миссионеров христианства. В подобных случаях резких перемен часто обнаруживается, что это результат долгой работы архетипа с подсознанием, искусно выстроившего цепочку обстоятельств, обусловивших кризисную ситуацию. Подобные свидетельства показывают, что архетипы – не просто устоявшиеся шаблоны мышления. Нет, это динамичные явления, проявляющиеся в форме импульсов столь же спонтанных, как и инстинкты. Иногда приходят такие сны, видения или мысли, причину появления которых не удастся найти при самом тщательном поиске. Это не значит, что ее не существует. Она есть, но из-за удаленности или расплывчатости распознать ее невозможно, в таких случаях надо подождать, либо пока сон и его значение не будут достаточно растолкованы, либо пока не произойдет какое-то событие, проясняющее сон.

В момент сна это событие может еще не наступить. Однако подсознание и его сны так же часто заняты будущим и его возможностями, как и сознание. Ранее было широко распространено поверье, что главная роль сновидений – это предсказание будущего. В древности и в средние века сны использовались для медицинских прогнозов. Я могу подтвердить на примере нынешних сновидений достоверность прогноза (или предвидения), содержащегося в сновидении, о котором упоминает Артемидор из Далтиса (второй век после Р.Х.): одному человеку приснилось, что он видит гибель отца в огне пожара, охватившего дом. Некоторое время спустя он сам умер от phlegmone (огонь, жар), что, по-моему, было пневмонией.

Так случилось, что мой коллега заболел однажды смертельно опасной гангренозной лихорадкой – фактически флегмоной. Его бывшему пациенту, ничего не знавшему о характере болезни своего врача, приснился сон. Будто врач умирает в сильном огне. В это время тот врач лег на обследование, болезнь только начиналась. Пациент знал лишь, что врач его заболел и лег в больницу. Через три недели несчастный скончался. Этот пример показывает,

Юнг Карл Густав К вопросу о подсознании filosoff.org
что сны могут предвещать или прогнозировать события. Это надо учитывать любому, кто пытается толковать сновидения, особенно когда сон имеет ярко выраженный подтекст, не находящий объяснения в окружающей действительности. Обычно такие сны появляются ни с того ни с сего, вдруг, и вы гадаете, с чего бы это. Конечно, если бы знать его скрытый смысл, то понятна была бы и причина его возникновения. Все дело в том, что лишь сознание пребывает еще в неведении, подсознание же, судя по всему, уже в курсе и сделало свои выводы, которые и отобразились в сновидении. Вообще складывается впечатление, что подсознание способно анализировать факты и строить на этой основе умозаключения в такой же степени, как и сознание. Более того, в определенных случаях обработка фактов и предвидение конечного результата становится возможным благодаря, а не вопреки отсутствию осознанной информации о них.

Однако, насколько можно – судить по сновидениям, подсознание мыслит инстинктивно. Это важная особенность. Логический анализ является прерогативой сознания – мы делаем наш выбор, исходя из здравого смысла и имеющихся знаний. Действия же подсознания, похоже, направляются главным образом инстинктивными импульсами, представленными соответствующими образными мыслями, то есть архетипами. Если попросить врача описать ход болезни, он применит рациональные понятия, такие как "инфекция" или "озноб". Сон более поэтичен. Он представит страдающее от болезни тело как дом, а высокую температуру – как огонь, его пожирающий.

Как показано выше, мозг, находящийся под воздействием архетипа, подошел к ситуации точно так же, как и во времена Артемидора. Подсознание интуитивно уловило нечто, витающее в воздухе, и пропустило сквозь призму архетипа. Это означает, что место сознания с его логикой заняло архетипическое мышление, взяв на себя задачу прогнозирования. Другими словами, архетипы могут действовать по собственной инициативе и обладают собственной специфической энергией. Все это позволяет им самостоятельно осмысливать ситуацию (в присущей им символической форме) и вмешиваться в нее, порождая импульсы и мысли. В этом отношении они очень похожи на комплексы – появляются и исчезают по своей прихоти. При этом частенько мешая нашим осознанным намерениям или видоизменяя их, ставя при этом нас в затруднительное положение.

Энергетику архетипов можно почувствовать по особому очарованию, сопровождающему их появление. Они как будто завораживают. Эта особенность характерна и для личных комплексов, только последние проявляются в истории индивида, а общественные комплексы архетипического характера – в истории человечества. Личные комплексы могут породить лишь пагубное приращение к чему-либо, архетипы дают жизнь мифам, религиям и философским концепциям, воздействующим на целые народы и разделяющим исторические эпохи. Мы видим комплексы как компенсацию за односторонность или ошибочность рассудочного восприятия. Таким же образом можно интерпретировать религиозные мифы как своего рода ментальную терапию от страданий и волнений всего человечества – голода, войн, болезней, старости, смерти.

Всемирно распространенный миф о герое, например, всегда описывает могучего человека или богочеловека, побеждающего зло в любых его проявлениях в виде драконов, змей, чудовищ, демонов и т. д., и спасающего людей от разрушений и гибели. Произнесение или ритуальное повторение священных текстов и церемоний, а также поклонение такому герою посредством танцев, музыки, гимнов, молитв, жертвоприношений заставляют трепетать аудиторию (как будто силою магического заклинания) и способствуют самоотождествлению зрителей с героем.

Если попытаться взглянуть на подобную ситуацию глазами верующего, то, возможно, мы поймем, как обыкновенный человек может освободиться от своего бессилия и убогости и обрести (хотя бы временно) почти сверхчеловеческие способности. Довольно часто убежденность держится достаточно долго, накладывая определенный отпечаток на жизнь верующего. Такая убежденность может даже быть характерной для общества в целом. Замечательный пример – элевсинские мистерии, окончательно запрещенные в начале седьмого века христианской эры. Вместе с дельфийским оракулом они выражали самую сущность и дух Древней Греции, Если значительно увеличить масштаб, то сама христианская эра обязана своим именем и значением древней мистерии о богочеловеке, корни которой уходят в архетипический миф Осириса-Гора Древнего Египта.

Юнг Карл Густав К вопросу о подсознании filosoff.org
Обычно считается, что основные мифологические идеи были придуманы в какой-то момент доисторического прошлого старым и мудрым философом или пророком, а потом приняты на веру доверчивыми и простодушными людьми. Говорят также, что предания, дошедшие от охочего до власти духовенства, рассказывают не о происшедших в действительности, а лишь о желаемых событиях. Однако само слово "изобретать" ведет свое происхождение от латинского *inventire*, означающего "находить". Чтобы что-то "найти", надо сначала "поискать". А поиск предполагает некоторое предварительное знание о том, что хотят найти.

Позволю себе вернуться к странным образам, приснившимся девочке. Непохоже, чтобы она их придумала, так как она была удивлена их появлению. Скорее, она восприняла их как нечто необычное и неожиданное, достойное стать подарком отцу на Рождество. Тем самым она отнесла эти истории к сфере дожившей до наших дней христианской мистерии: рождению Господа нашего, окутанному тайной вечнозеленого дерева, несущего новорожденный Свет. (На это указывает пятый сон девочки).

Хотя условная связь Христа с образом дерева многократно освещалась разными авторами, родители девочки вряд ли сказали бы что-то вразумительное, если бы их спросили, с какой целью они украшают елку горящими свечами в каждое Рождество Христово. "Это просто рождественская традиция" – ответили бы они. Для обстоятельного ответа на этот вопрос потребовалась бы целая диссертация о древней символике изображения умирающего божества в привязке к культуре Великой Матери (символом которой является дерево). И ведь это только один из многих аспектов. Чем глубже мы изучаем происхождение "коллективных образов" (или догм, говоря языком священнослужителей), тем больше мы наталкиваемся на переплетение нескончаемых архетипических структур, не осмысленных до прихода современной эпохи. Парадоксально, но факт: мы больше знаем о символике древних миров, чем любое жившее до нас поколение. Дело в том, что прежде люди не задумывались над окружающими их символами, поскольку они попросту являлись частью их жизни. Их вдохновляющее действие было неосознанным и потому незаметным.

Проиллюстрирую это опытом, полученным из контакта с дикарями, живущими в Маунт Элгон (Африка). Каждое утро на рассвете они выходят из хижин и, подышав или сплюнув себе на ладони, простирают их навстречу первым лучам солнца, будто предлагая восходящему богу, *tingu*, свое дыхание или плевки. (Объясняя этот ритуал, они использовали слово "*tingu*" из языка суахили, имеющее общий корень с полинезийскими *mana* или *tu'ungu*. Эти близкие ему слова означают силу или сверхъестественные способности и всесущность, которые нам следовало бы назвать божественными. Таким образом, слово *tingu* на языке этого племени – просто эквивалент Аллаха или Господа). Когда я спросил, зачем они совершают это действие и почему, дикари оказались в полнейшей растерянности. И лишь ответили: "Мы всегда так делали, всегда, когда встает солнце". Они посмеялись над очевидным выводом о том, что солнце – это *tingu*. На самом деле, когда солнце встало, оно перестало быть *tingu*. *tingu* – это только момент утренней зари. Для меня было очевидно, чем они занимались, а для них – нет. Они просто делали это, не задумываясь, не в состоянии понять самих себя. Я же счел, что они предлагают *tingu* свои души, так как дыхание (жизни) и плевки означают субстанцию души. Подышать или плюнуть на что-либо всегда считалось магическим действием. Так, Иисус вылечил незрячего, поплевав ему на глаза. Таким же образом сын умирающего отца ловит в том его последний выдох, чтобы душа его переселилась к нему. Весьма маловероятно, что этим африканцам когда-либо в прошлом было более понятно значение упомянутой церемонии. В действительности скорее всего их пращурь знали еще меньше, потому что их поступки были менее осознанными.

Как говорит гетевский Фауст "Im Anfang war die Tat" (В начале было дело). "Дела" никогда не изобретались, а делались; а вот мысли – сравнительно позднее открытие человека. Сначала к совершению "дел" его подталкивали неосознаваемые факторы. Прошло много времени, прежде чем он начал задумываться над причинами, побуждающими его к действию. Наконец, еще больше времени потребовалось, чтобы дойти до абсурдной идеи, будто действует он сам, то есть его разум не воспринимает никаких побуждений, кроме своих собственных.

Мы бы посмеялись над предположением об изобретающем самого себя растении или животном. Тем не менее находятся люди, считающие вполне серьезно, что психика или разум изобрели себя сами, став тем самым своими создателями. На самом деле разум обрел нынешнее состояние сознания путем развития – так же,

Юнг Карл Густав К вопросу о подсознании filosoff.org
как из желудка получается дуб, а из ящеров – млекопитающие. Он очень долго развивался, и процесс этот не прекращается и теперь. Это означает, что нами движут как внутренние, так и внешние стимулы.

Эти внутренние побуждения вырастают из глубин, не имеющих отношения к сознанию и не контролируемых им. В древних мифах эти силы назывались тапа, или духами, демонами, даже богами. Они так же активны сегодня, как и в былые времена. Если они совпадают с нашими желаниями, то мы говорим, что у нас хорошее предчувствие или импульс, и радуемся своей проницательности. Если они направлены против нас, то мы говорим, что нам не везет, или что кто-то ополчился против нас, или что жизнь вступила в черную полосу. Единственное, что мы отказываемся признать, – это нашу зависимость от "сил", лежащих за пределами нашего контроля.

Вместе с тем нельзя отрицать, что за последнее время цивилизованный человек приобрел некоторую силу воли, которой может распоряжаться по своему усмотрению. Он научился эффективно работать, не прибегая к песнопениям и барабанному бою, которые ранее вводили его гипнотическим путем в состояние готовности к работе. Он может даже обойтись без ежедневной молитвы о Божьей помощи. Он может выполнить то, что наметил, как и перейти без помех от слов к делу – в отличие от первобытного дикаря, каждый шаг которого тормозили страхи, предрассудки и другие невиданные препятствия. Предрассудком же современного человека является девиз: "Воля решает все".

За свои убеждения, однако, современному человеку приходится расплачиваться весьма чувствительным образом – он все менее может разобраться в самом себе. Он не видит, что при всей его рациональности и всем умении им руководят неконтролируемые "силы". Его боги и демоны вовсе не исчезли, они получили новые имена. Неумность, смутные предчувствия, психологические осложнения, ненасытная тяга к пилулям, спиртному, табаку, еде и, прежде всего, множество неврозов – не дают ему продыху.

Душа человека

Сознание цивилизованного человека – это часть психики, надежно отделившаяся от первичных инстинктов, которые, впрочем, никуда не делись. Они лишь утратили контакт с сознанием и вынуждены напоминать о себе окольными путями. Например, через симптомы невроза или такие неожиданные, как забывчивость, оговорки, безответственное поведение.

Человеку нравится считать себя хозяином своей души. Но коль скоро он не способен контролировать свои настроения и эмоции или осознавать мириады тайных путей (способов), которыми образования подсознательного пользуются, чтобы добиться от нас нужного им решения или порядка, он определенно не может считаться хозяином своей судьбы. Эти неосознаваемые факторы существуют благодаря самостоятельности архетипов. Современный человек защищает самого себя от столкновения с собственной раздвоенностью путем создания системы изолированных участков, где он размещает в определенном порядке происходящие с ним и вокруг него события. Тем самым они как бы хранятся в разных ящичках и не пересекаются.

Как пример такой "ящичной" психологии я хотел бы рассказать об алкоголике, попавшем под благотворное влияние одного религиозного движения, который бы так вдохновлен энтузиазмом его участников, что забыл на время о выпивке. Этим незамедлительно воспользовались бойкие клерикалы, громогласно заявив о чудесном исцелении, подтверждающем божью милость или эффективность их работы. Однако несколько недель спустя новизна публичных покаяний для пьянчужки стала блекнуть, и ему потребовалось горячительное для подкрепления. Он опять напился, а его религиозные благодетели решили, что случай неисправимый, явно не подходящий для божественного вмешательства, и сдали его в лечебницу, рассудив, что врач разберется лучше, чем Создатель.

Описанная черта современного "цивилизованного" мышления заслуживает более основательного изучения. Ведь она свидетельствует, что разлад личности и психологическая сумятица достигли угрожающего уровня. Если взглянуть на мгновение на человечество как на отдельную личность, то мы увидим, что его несут по течению неосознаваемые силы, и оно тоже склонно запрягивать

Юнг Карл Густав К вопросу о подсознании filosoff.org
некоторые проблемы подалеже по разным ящикам стола. Вот почему нам следует основательно поразмыслить над тем, что мы делаем. Ведь человечеству угрожают им же порожденные проблемы, представляющие смертельную опасность и выходящие из-под его контроля. Наш мир так же раздвоен, как внутренний мир невротика, и условной разделительной чертой является Железный занавес. Зная об агрессивном стремлении к господству, исходящему с Востока, Запад вынужден чересчур вооружаться для своей защиты, восхваляя одновременно свои добродетели и благие намерения.

Запад не видит, что его собственные пороки, которые он укрывает безупречным этикетом и протоколом в международных отношениях, методично и без зазрения совести демонстрируются ему коммунистической системой. То, что на Западе допускалось под завесой секретности и с некоей стыдливостью (дипломатический обман, систематическое притворство, замаскированные угрозы), приходит к нам в открытую и в полной мере с Востока, связывая нас невротическими узами. Из-за Железного занавеса на Запад глядит, ухмыляясь, его собственная злая тень.

Такая ситуация является главной причиной особого чувства беспомощности, охватывающего многих людей, живущих на Западе. Они начали понимать, что трудности, с которыми мы сталкиваемся, скорее морального порядка и что попытки преодолеть их путем накопления гор ядерного оружия или через экономическое "соревнование" мало что дают, ибо являются палкой о двух концах. Многие из нас понимают теперь, что использовать этику и разум предпочтительнее, так как они обеспечивают нам психологический иммунитет от нескончаемо множющейся инфекции.

Однако все попытки такого рода демонстрировали до сих пор свою крайнюю неэффективность, неизбежную до тех пор, пока мы пытаемся убедить себя и весь мир в ошибочности их (то есть наших оппонентов) действий. Мы скорее приблизились бы к цели, попытавшись признать свою собственную тень вместе с ее отвратительными деяниями. Зная об этой тени, представляющей собой темную сторону нашей натуры, мы обрели бы иммунитет от любых моральных и умственных проказ и происков. В теперешней же ситуации мы доступны любой чуме, поскольку мы занимаемся практически тем же, что и они. Все это усугубляется тем, что мы не понимаем и не хотим понять, что мы творим под прикрытием хороших манер.

У коммунистической системы есть один большой миф (мы называем его иллюзорным, тщетно надеясь на его исчезновение под давлением нашей точки зрения как более весомой). Это освященная временем архетипическая мечта о "Золотом веке" (или о Рае), где человечество наслаждается изобилием всего и вся под великим, справедливым и мудрым руководством вождя, возглавляющего этот грандиозный детский сад. Этот мощный архетип в его инфантильной форме до сих пор удерживает свои позиции в умах жителей Восточного блока, и ему не суждено исчезнуть лишь по причине превосходства наших идей. Наоборот, мы все время подпитываем его нашей собственной незрелостью, ибо западная цивилизация охвачена той же мифологией. Не сознавая этого, мы культивируем те же предрассудки, надежды и мечты. Мы тоже верим в государство общего благоденствия, во всеобщий мир, равенство, в вечные права человека, в правду и справедливость и (не заявляя об этом громогласно) в Царство Божье на земле.

Грустная же истина заключается в том, что реальная жизнь полна неумолимо действующих противоположностей: день сменяется ночью, рождение – смертью, счастье – горем, а добро – злом. И мы не можем даже быть уверены в победе одного над другим – в том, что добро осилит зло, а радость превзойдет боль. Жизнь – это поле битвы. Так всегда было и будет, а если нет – то жизнь прекратится.

Именно переживание этого конфликта человеком подтолкнуло его к таким мироотрицающим идеям, как ожидание конца света у ранних христиан или отказ от всех земных радостей и надежд у буддистов. Такие взгляды можно бы считать самоубийственными, если бы они не были вызваны особенностями основных этических постулатов этих двух учений, которые в определенной степени смягчают этот радикализм мировосприятия.

Я подчеркиваю это обстоятельство, потому что в наше время у миллионов людей потеряна вера в любые религии. Эти люди перестали понимать то, чему ранее поклонялись. Пока в жизни все гладко, потеря практически не замечается. Однако все изменяется, когда в жизнь вторгается страдание. Вот тогда люди

Юнг Карл Густав К вопросу о подсознании filosoff.org
начинают искать выход и размышлять о смысле жизни и ее непонятных и болезненных аспектах.

Интересно, что к психотерапевту, по моему опыту, чаще обращаются евреи и протестанты, чем католики. Этому можно найти объяснение в том, что католическая церковь все еще чувствует себя ответственной за *cura animarum* (заботу о благополучии души). Но в наш век науки вопросы, ранее находившиеся в компетенции теолога, скорее зададут психотерапевту. Люди чувствуют важность веры в осмысленность жизни или в Бога и бессмертие. Мощный стимул таким мыслям обычно придает приближение смерти. С незапамятных времен люди раздумывали о Верховном Существо (одном или нескольких) и о потустороннем мире. И только сегодня они считают, что могут обойтись без них.

Из-за того, что мы не можем обнаружить на небесах трон Господень, например, через радиотелескоп, или в более или менее материальной форме, люди начинают полагать эти идеи неверными. Я предпочел бы сказать, что они недостаточно верны, ибо эти концепции сопровождали род человеческий с доисторических времен и все еще прорываются в сознание при каждом удобном случае.

Современный человек может утверждать, что ему эти идеи ни к чему, ссылаясь на отсутствие научных доказательств их истинности. Или, напротив, он может сожалеть о потере своих убеждений. Но поскольку речь идет о невидимом и неведомом (Бог выше человеческого понимания, а бессмертие недоказуемо), то к чему волноваться насчет доказательств. Так, если бы мы и не знали о пользе соли в нашем рационе, то все равно пользовались бы благотворным эффектом ее применения. Можно, конечно, возразить, что это лишь предрассудок или привычка вкуса, но ее положительное воздействие на наш организм от этого не изменится. Зачем же в таком случае лишать себя воззрений, доказавших свою действенность в кризисных ситуациях и придающих смысл нашему существованию?

Как же нам узнать, что эти идеи неверны? Многие согласились бы со мной, если бы я заявил, что это, скорее всего, иллюзии. Между тем отрицание их существования так же невозможно доказать, как и любое утверждение, основанное на религиозной вере. Таким образом, мы совершенно свободны в выборе точки зрения – она в любом случае будет ничем не подкрепленной.

Есть, однако, серьезная причина эмпирического свойства, почему нам следует культивировать недоказуемые мысли. Дело в том, что человеку обязательно требуются идеи и убеждения, придающие смысл его жизни и позволяющие найти свое место во вселенной. Он преодолеет самые невероятные испытания, будучи убежденным в том, ради чего он это делает. Но когда все неприятности уже позади, он может потерпеть сокрушительное поражение, узнав, что участвует в идиотской и бессмысленной затее.

Роль религиозных символов как раз и заключается в том, чтобы сделать жизнь людей осмысленной. Индейцы пуэбла верят, что они сыновья Отца-Солнца, и эта вера придает их жизни наполненность (и целеустремленность), выходящую далеко за рамки их скудного бытия. Это дает им широкий простор, чтобы состояться как личностям, и обеспечивает им полноценную и полноценную жизнь. Их положение в этом смысле бесконечно нормальнее, чем у человека, живущего в наши цивилизованные дни, который сознает, что он лишь неудачник, жизнь которого лишена всякого смысла (и останется таковой).

Именно ощущение глубокого смысла существования на Земле возвышает человека над банальным потребительством. Человек, не имеющий такового, жалок и ущербен. Если бы Святой Павел, например, считал, что он лишь странствующий ковровщик, он не стал бы тем, кем стал. Его подлинная и полная смысла жизнь опиралась на внутреннюю убежденность в том, что он – посланник Господа. Кто-то мог бы увидеть в этом манию величия, но такая точка зрения меркнет перед историческими фактами и суждениями последующих поколений. Миф, овладевший им, выделил его из простых ремесленников.

Любой подобный миф полон символических деталей, которые никто не выдумывал. Они были на самом деле. Миф о богочеловеке создал вовсе не некий реально живший Иисус. Миф был создан за века до его рождения. Его самого захватил этот образ; эта идея и вырвала его из обыденной плотницкой рутинной жизни Назарета, свидетельствует Святой Марк.

Юнг Карл Густав К вопросу о подсознании filosoff.org
Своим рождением мифы обязаны обычному рассказчику преданий и его снам, а также людям, действующим и живущим вдохновенно. Они не слишком отличались от тех, кого спустя поколения назовут поэтами или философами. Увы, через несколько веков в местности, называемой ныне Древней Грецией, человеческий разум дорос до предположения, будто сказки о богах – это не более чем несколько странные и слегка преувеличенные предания о подвигах былых царей и вождей. В древности люди сочли мифы слишком невероятными, чтобы верить тому, что в них говорилось. Поэтому им и попытались придать приемлемую для всеобщего понимания форму.

В недавние времена на наших глазах то же самое произошло и с толкованием сновидений. Когда психология только вставала на ноги, мы осознали, что сны имеют какое-то значение. Но подобно древним грекам, убедившим себя в том, что их мифы лишь переработка рациональных или "обычных" исторических сюжетов, некоторые родоначальники психологии решили, что сновидения не означают того, что кажется. Встречающиеся в снах образы и символы не принимаются во внимание, считаясь причудами подавленного содержания психики, являющегося в такой форме сознанию. Таким образом стало аксиомой, что сон не может иметь другого смысла, чем тот, что очевидно лежит на поверхности.

Я уже говорил о своем несогласии с этой идеей, которое и побудило меня изучать не только содержание, но и форму сновидений. А почему собственно они должны иметь смысл, отличный от их содержания? Разве в природе встречается что-либо подобное? Ведь сон – это явление природное и не может означать то, чем не является. Даже в Талмуде говорится: "Сны сами себя толкуют". Вся эта путаница возникает из-за символичности содержания сновидений, придающей им многозначность. Символы направляют нас в непривычном для сознания направлении, будучи связаны либо с бессознательным, либо с не полностью осознаваемым.

Для ученого ума нет ничего хуже символических идей, потому что как их ни формулировать, все равно это будет неудовлетворительно с точки зрения логического мышления. В психологии так происходит не только с символами, но и с "аффектом" или эмоциями, ускользающими от любых попыток исследователя припилить их точным определением. Причина трудностей в обоих случаях одинакова – вмешательство подсознания.

Я достаточно сведущ в науке, чтобы понимать, что ученого больше всего выводят из себя те факты, которые нельзя как следует понять. Трудность здесь в том, что хотя сам факт этих явлений неоспорим, тем не менее он не может быть сформулирован рационально. Ибо для того требуется постичь саму жизнь, ведь именно жизнь порождает эмоции и символические идеи.

Психолог-теоретик вполне может не принимать во внимание феномен эмоций или понятие подсознательного (или оба этих феномена). Однако для психотерапевта они остаются фактами, которым он как минимум должен уделить внимание, ибо столкновения с эмоциональными потрясениями и вмешательством подсознания являются классическими особенностями его науки. При работе с пациентами он воспринимает все эти иррациональные явления как голые факты, независимо от того, может ли он рационально выразить и сформулировать их. Поэтому легко понять обычных людей, не имеющих опыта психотерапевтики, когда им бывает сложно увидеть различия между спокойным изучением психологии в тиши кабинета и ее активным применением для лечения пациентов. Тренировочная стрельба по мишени на полигоне и реальный бой – не одно и то же, вот и врач имеет дело с жертвами настоящей схватки – схватки между различными проявлениями психики, которые психотерапевт должен принимать в расчет, даже если он не может дать им научное толкование. Вот почему психологии можно научиться не по учебнику, а только практическим путем.

Продемонстрируем это на хорошо известных символах. Так, у христиан символ креста несет известную многосмысловую нагрузку. Если же он стоит в тексте после имени и фамилии, это означает, что данный человек умер. В индуистской религии фаллос является всеохватывающим символом, но если вы увидите на улице мальчишку, рисующего на стене фаллос, это будет лишь проявлением его повышенного интереса к своему пенису. Из-за часто встречающегося продолжения детских и юношеских фантазий во взрослой жизни в сновидениях часто попадают иносказания явно сексуального характера. Было бы абсурдно воспринимать их как-то по-другому. Однако когда каменщик упоминает о кладке "монах на монахию", а электрик – о соединении "мужского" разъема с "женским", было бы нелепо предположить, что их распирают фантазии юности.

Юнг Карл Густав К вопросу о подсознании filosoff.org
Просто они используют красочные названия для обозначения того, с чем сталкиваются в своей профессиональной деятельности. Когда ученый индуист расскажет вам о Лингаме (фаллос, олицетворяющий бога Шиву в индуистской мифологии), вы услышите много такого, что западный человек никогда не увязал бы с пенисом. Лингам определенно не является непристойным иносказанием, как и крест не только знак смерти. Многое зависит от жизненного опыта того, кому приходят во сне подобные образы.

Толкование сновидений с их символикой требует вдумчивого подхода. Оно никоим образом не может быть механическим следованием однажды вызубренному канону. Растущее понимание индивидуальности сновидца со стороны исследователя должно сопровождаться и его все большим постижением самого себя и своих возможностей. Профессионал согласится, что в этой области есть свои общие правила, которые могут оказаться полезными. Но применять их следует осторожно и с умом, ибо можно сделать все по правилам и попасть впросак, а то и в трясину абсурда, проглядев незначительную на первый взгляд подробность. А иногда, чтобы не сбиться с пути, вдобавок к уму требуются еще интуиция и чувство.

Когда мы пытаемся понять символ, мы сталкиваемся не только с ним самим, но и с неповторимостью личности, его породившей. Это диктует необходимость определения уровня знаний и культуры, имеющих у пациента. При этом зачастую приходится восполнять пробелы в собственном образовании. Поэтому я взял за правило рассматривать каждый новый случай как бы с чистого листа, не позволяя аналогиям с похожими случаями в теории или практике формировать предвзятое суждение о ситуации. Привычная реакция может оказаться полезной при поверхностном рассмотрении вопроса, но при столкновении с жизнью во всем ее многообразии самые блестящие теоретические построения превращаются в бесполезные слова – и только.

Для процесса понимания жизненно важны воображение и интуиция. Хотя принято считать их необходимыми в основном для поэтов и артистов (и не годящимися для того, чтобы полагаться на них в серьезных вопросах), на самом деле они также важны и для научных изысканий. Причем их роль для науки особенно велика, поскольку они дополняют рациональный подход к проблеме. Даже физика, самая педантичная из всех прикладных наук, поразительно зависит от интуиции, проявляющейся через подсознание (хотя к решению, найденному интуитивно, впоследствии всегда можно найти и логический путь).

Без интуиции практически нельзя обойтись при толковании образов сновидений. Зачастую она подкрепляется незамедлительной реакцией сновидца, подтверждающей правильность интерпретации. Хотя такие удачные совпадения субъективно ощущаются как особенно убедительные, они таят в себе опасность возникновения чувства ложной уверенности. В результате отношения исследователя и пациента могут стать удобнее, но легковеснее, а в конечном счете вылиться в эдакие мечтания на пару. Здоровая основа реального рассудочного знания и внутреннего взаимопонимания подрывается, когда одна из сторон удовлетворяется пониманием по наитию. Понять что-либо возможно, лишь выверив предчувствия точным знанием фактов и их логических взаимосвязей. Честный исследователь сознается, что не всегда поступает таким образом, но было бы нечестно не держать это в памяти постоянно. Ученый – тоже человек, и как все не переносит, если не может найти чему-то объяснения. Нет ничего уязвимее, чем научное построение. Ведь это только эфемерная попытка объяснить несколько фактов – а не вечная истина.

Значение символов

Когда психотерапевт интересуется символами, он прежде всего имеет в виду "естественные" символы – в отличие от привнесенных культурой. Первые возникают из подсознательного содержания психики и представляют собой бесчисленные вариации основных архетипических образов. Во многих случаях можно проследить их развитие вплоть до пракорней, то есть идей и образов, встречающихся в древнейших источниках, дошедших от первобытных обществ. С другой стороны, символы культуры обычно использовались для выражения "вечных истин" и до сих пор используются подобным образом во многих религиях. Пройдя через множество превращений и даже через долгий этап более или менее сознательной лепки, они стали коллективными образами, принятыми цивилизацией.

Эти символы, став частью общечеловеческой культуры, сохраняют тем не менее значительный заряд своей первоначальной трепетности или "волшебности". У некоторых людей они вызывают сильный эмоциональный отклик, будучи сходными по манере воздействия с предубеждениями. Психолог не может не считаться с ними – глупо не принимать их во внимание из-за того, что с рациональной точки зрения они кажутся абсурдными или не имеющими отношения к делу. Важные составные части нашего умственного устройства, они жизненно важны для развития общества. Невозможно отказаться от них без значительного ущерба. Когда их подавляют или не принимают, их специфическая энергия исчезает в подсознании, что ведет к непредсказуемым последствиям. Казалось бы, потерянная таким образом психическая энергия на самом деле подпитывает и возрождает в подсознании доминирующие в нем в данный момент наклонности, которые до сих пор не имели шанса проявиться или которым воспрещалось спонтанно появляться в нашем сознании.

Но из подобных склонностей складывается постоянно отбрасываемая на сознание и разум "тень" потенциально деструктивного характера. Даже те склонности, которые при определенных обстоятельствах могли бы оказаться благотворными, превращаются в демонов, будучи подавленными. Вот почему многие добропорядочные люди боятся подсознания, а заодно и психологии.

Наше время показало, что значит открыть ворота в преисподнюю. События, всего значения которых никто не мог предположить в идиллическом спокойствии первого десятилетия XX века, свершились и перевернули весь мир. С тех пор мир пребывает в состоянии шизофрении. Прежде цивилизованная Германия вдруг предстала в ужасающем своей дикостью обличье, эта же дикость правит бал и в России, Африка оказалась в огне войн. Не удивительно, что западный мир чувствует себя беспокойно.

Современный человек не понимает, насколько "рационализм" (уничтоживший его способность к восприятию символов и идей божественного) отдал его под власть психического "ада". Он освободился от "предрассудков" (так, во всяком случае, он полагает), растеряв при этом свои духовные ценности. Его нравственные и духовные традиции оказались прерваны, расплатой за это стали всеобщие дезориентация и распад, представляющие реальную угрозу миру.

Антропологи не раз описывали, что происходит с сообществом дикарей при столкновении их духовных ценностей с воздействием современной цивилизации. У них утрачивается интерес к жизни, ее уклад нарушается, а сами они морально опускаются. Мы сейчас находимся в аналогичной ситуации. Но мы так и не осознали, что же мы потеряли, ибо наши духовные вожди были, к сожалению, более озабочены защитой институтов своей власти, чем проникновением в тайные глубины религиозной символики. По-моему, вера не исключает мысли (являющейся сильнейшим орудием человека). К сожалению, многие верующие, похоже, так боятся науки (в том числе и психологии), что не замечают великих психических сил, извечно властвующих над людскими судьбами. Мы сняли со всех вещей покров таинственности и богосиянности. Ничто более не свято.

В ранние века, когда инстинктивным представлениям был открыт доступ к сознанию, разум человека мог легко найти им место в подходящей психической схеме. Но "цивилизованный" человек уже не в состоянии этого добиться. Его "продвинутое" сознание лишило себя средств усвоения вспомогательных импульсов, исходящих от инстинктивного и подсознательного. Ранее в качестве таких средств усвоения и соединения служили символы божественного, святость которых признавалась всеми.

Мы теперь говорим о "материи", описываем ее физические свойства, проводим лабораторные эксперименты для демонстрации отдельных ее качеств. Но само слово "материя" остается сухим, бесчеловечным, чисто интеллектуальным понятием, не имеющим для нас психологического значения. Как же разительно отличается от сегодняшнего ее былой образ, наполненный глубоким эмоциональным чувством – образ Великой Матери, воплощавший Мать-Землю! Аналогичным образом Дух, бывший отцом всего сущего, теперь называется интеллектом и оказывается сведен до ограниченных эгоизмом человека масштабов. Тем самым колоссальный эмоциональный заряд, содержащийся в формуле "Отче Наш", исчезает в песках интеллектуальной пустыни.

Эти два архетипических образа лежат в основании так контрастирующих между собой систем Востока и Запада. Однако их население и лидеры не понимают,

Юнг Карл Густав К вопросу о подсознании filosoff.org
что не существует принципиального различия между тем, как наречь принцип мироздания – мужским (отец, дух), как считают на Западе, или женским (мать, материя), как считают коммунисты По сути, мы знаем столь же мало об одном, как и о другом. В былые эпохи этим образам поклонялись посредством всевозможных ритуалов, что по крайней мере демонстрировало их психологическое значение для человека. Теперь же они стали абстрактными, отвлеченными понятиями. По мере развития наук наш мир становится все менее человеческим. Человек ощущает себя изолированным в космосе, поскольку его связи с природой разорваны, а эмоциональное "подсознательное единение" с явлениями природы утеряно. Последние постепенно утратили свое символическое значение. Гром более не глас гневающегося бога, а молния – не орудие его возмездия. В реках нет водяных, в деревьях не таится жизненная сила, змеи не являются воплощением мудрости, а горные пещеры не служат прибежищем великих демонов. Камни, растения и животные более не разговаривают с человеком, да и сам он не обращается к ним, как раньше, думая, что его услышат. Нет больше связи с природой, нет и той глубоко эмоциональной энергии, возникавшей от этого символического единения. Эта колоссальная потеря компенсируется образами, приходящими к нам в сновидениях. Они воссоздают нашу первоначальную природу, ее инстинкты и особый образ мышления. К сожалению, они говорят на языке природы, странном и непонятном для нас, что ставит нас перед необходимостью перевода этого языка в рациональные слова и понятия, присущие современной речи, свободной от такой дикарской "обузы", как мистическое соединение с описываемым предметом.

В наши дни, когда мы упоминаем о привидениях и других сверхъестественных персонажах, мы более не призываем их к жизни. Улетучилась сила и слава этих некогда могущественных слов. Мы перестали верить в магические заклинания, почти не осталось табу и подобных им запретов, – словом, весь наш мир будто иммунизирован от вирусов суеверия, от ведьм, вурдалаков, леших, не говоря уже об оборотнях, вампирах, лесных душах и прочей нечисти, населявшей первобытные леса. Если выразаться точнее, можно сказать, что окружающий нас мир будто очистили от всего иррационального и суеверного. Однако очищен ли подобным же образом от дикости наш внутренний мир (реальный, а не тот, что мы выдумываем, выдавая желаемое за действительное) – это еще вопрос. Разве число "тринадцать" не считается роковым для многих? Или перевелись люди, охваченные иррациональными предубеждениями, прожектами, инфантильными иллюзиями? Реальный срез человеческого разума открыл бы столько примитивных черт-пережитков, будто за пять веков ничего не изменилось.

На этом надо остановиться подробнее. Современный человек на самом деле – это курьезная смесь характерных черт, приобретенных на разных стадиях многовекового процесса умственного развития. Из этой мешанины и складываются человек и его символы, с которыми нам приходится иметь дело. Если взглянуть в нее пытливым и критическим взглядом, мы увидим, что скептицизм и научные знания бок о бок соседствуют здесь с прадедовскими предрассудками, устаревшими стереотипами мыслей и чувств, глухим невежеством и ошибочными мнениями, за которые мы держимся из упрямства.

Таков современный человек – творец символов, которые мы, психологи, изучаем. Для правильного их понимания важно определить, соотносится ли их появление с чисто личными переживаниями и опытом или они были извлечены сном с определенной целью из хранилища общечеловеческого знания.

Возьмем, например, сон, в котором встречается число "тринадцать". Принципиально важно, верит ли увидевший этот сон в несчастливые качества этого числа или же сон указывает на иных приверженцев суеверий. От того, каков ответ на этот вопрос, будет зависеть и толкование. В первом случае необходимо учесть, что "заклятье" числа "тринадцать" еще довлеет над личностью сновидца (значит, ему будет не по себе и в гостиничном номере под этим числом, и в компании из тринадцати человек). В последнем случае "тринадцать" – не более чем неучтливое или даже оскорбительное упоминание. Очевидно, что у рационального человека это число лишено присущей ему эмоциональной окраски.

На приведенном примере видно, каким образом архетипы воздействуют на наши ощущения. Прежде всего – через неразрывно связанные между собой образ и эмоции. Если один из этих элементов отсутствует, значит, нет и архетипа. Один только образ сам по себе – это лишь слово-изображение, мало что значащее. Будучи же заряжен эмоциями, образ приобретает трепетность (или психическую энергию), динамизм, значимость.

Юнг Карл Густав К вопросу о подсознании filosoff.org

Я осознаю всю трудность толкования этого понятия тем более, что я пытаюсь описать словами нечто, не поддающееся точному определению по самой своей природе. Но поскольку так много людей обращаются с архетипами, будто они часть механической системы, которую можно вызубрить наизусть, я считаю особенно важным подчеркнуть, что архетипы – не просто имена, и даже не философские понятия. Это частицы самой жизни, образы, которые неразрывно соединены эмоциями с живыми людьми. Вот почему невозможно дать произвольное (или универсальное) толкование любому из них. Только изучив всю жизнь конкретного индивида, можно объяснить архетип, встретившийся ему.

Так, символ креста для набожного христианина можно истолковать только в его христианском контексте, если, конечно, сон не дает серьезных указаний на возможность другого толкования. Но и тогда следует помнить о специфически христианском его значении. В любом случае нельзя сказать, что символ креста везде и во все времена имеет одной то же значение. А если бы это было так, он лишился бы своей таинственности, одухотворенности и стал бы обычным словом.

Тот, кто не в состоянии различить особую нюансировку восприятия архетипов, приходит лишь к мешанине мифологических понятий, которые можно по-разному комбинировать друг с другом, выводя из этих комбинаций все, что заблагорассудится, в том числе и взаимоисключающие понятия. Все мертвецы по химическому составу элементов совершенно идентичны, но о живых этого не скажешь. Архетипы оживают только тогда, когда вы терпеливо пытаетесь разобраться в том, почему они что-то значат для человека и каким образом открывают ему свое значение.

Использование слов бесполезно, когда вы не знаете их значения. Это особенно верно в психологии, когда мы говорим о таких архетипах, как анима и анимус, мудрец, Великая Мать и др. Можно собрать полную информацию о святых, великих посвященных, пророках и других людях, посветивших свою жизнь Богу, или обо всех о великих матерях, когда-либо существовавших. Но нет смысла рассуждать о них тому, для кого это молчаливые образы, не приводящие в трепет душу и сердце. В его устах эти слова будут пусты и бессодержательны. Они оживут и наполнятся смыслом, только если вы попытаетесь почувствовать их трепетность, то есть настроитесь на волну, связывающую их с личностью человека. Только тогда вы начнете понимать, что определяющее значение имеют не сами эти слова, а их взаимодействие с вами.

Поэтому присущая нашим сновидениям функция генерации символов является попыткой привести первобытный разум в наше сознание (являющееся по отношению к нему более высоким и видоизмененным состоянием). Ранее, в эпоху своего возникновения, первобытный разум не мог подвергаться критическому осмыслению, ибо сознания в нашем понимании не существовало. Много веков назад этот изначальный разум и составлял всю индивидуальность человека. Но по мере развития сознания разум человека утрачивал контакт с этими изначальными пластами психической энергии. Ведь разум сознающий не мог знать об этом первобытном разуме, отброшенном в тот самый момент, когда в процессе эволюции появилось сознание более высокого порядка, которое могло бы его заметить.

Тем не менее, похоже, что подсознание (или то, что мы называем таковым) сохранило первобытные черты, характерные для изначального разума. Именно на эти черты постоянно опираются символы сновидений, создавая впечатление, будто подсознание пытается возродить все то, от чего разум освободился в процессе эволюции: иллюзии, фантазии, архаичные мислеобразы, основные инстинкты и т. п.

Вот почему люди часто испытывают неприязнь и даже страх, сталкиваясь с проявлениями подсознания. Его реликтовое содержимое вовсе не нейтрально, как и не безучастно. Наоборот, оно имеет такой мощный заряд, что зачастую вызывает не просто беспокойство, но и настоящий ужас. Чем более подавлено это содержимое, тем сильнее оно охватывает всю личность в форме невроза. Стремление пролить свет сознания на уцелевшие первичные формы разума сродни стремлению человека, который, проведя некоторое время без сознания, обнаруживает пробел в памяти и пытается вернуть забытые воспоминания детства. На самом деле пробелы в детских воспоминаниях – это симптом гораздо более значительной утраты – утраты первобытной психики.

Подобно тому, как человеческий зародыш в своем развитии проходит через стадии, повторяющие эволюционный путь от низших форм жизни к человеку, так

Юнг Карл Густав К вопросу о подсознании filosoff.org и человеческого разум в своем становлении проживает ряд этапов, соответствующих первобытному мышлению. Сновидения как раз и способствуют возвращению воспоминаний того первобытного мира, а также мира детства в виде самых примитивных инстинктов. В определенных случаях, как уже давно подметил Фрейд, такие воспоминания могут давать значительный исцеляющий эффект. Это наблюдение подтверждает, что пробел в детской памяти (так называемая амнезия) это действительно серьезная утрата, а обретение детских воспоминаний может вызвать благоприятные перемены в жизни и даже в благосостоянии.

Из-за того, что дети такие маленькие, а их мысли редки и просты, мы и не представляем серьезности проблем, встающих перед детским разумом в силу его тождественности формам первобытной психики. Вспомните случай с девочкой, подарившей свои неординарные сны отцу, и вам будет понятно, как "изначальный разум" может проявиться у ребенка.

В детской амнезии встречаются странные мифологические вкрапления, позднее часто переходящие в психозы. Обычно это весьма таинственные, а значит, и весьма важные образы. Если такие воспоминания повторяются в зрелом возрасте, они иногда могут вызвать глубокое психическое расстройство, хотя в других случаях приводят к чудесным исцелениям или обращению в другую веру. Бывает, что с ними возвращается целый пласт жизни, долгое время отсутствовавший, тем самым наполняя жизнь новым смыслом и обогащая ее.

Обретение памяти о детстве и воспроизведение архетипических способов психического поведения может расширить горизонты сознания – при условии, что вам удастся усвоить утерянное содержимое первобытной психики и включить его в работу сознающего разума. Так как это содержимое отнюдь не нейтрально, его усвоение не пройдет бесследно для вашей личности, хотя определенные изменения претерпит и содержимое. На этом этапе процесса так называемой "индивидуации" (который будет проанализирован в одной из следующих глав книги д-ром М.-Л. фон Франц) толкование символов важно с практической точки зрения, поскольку через символы психика пытается естественным путем примирить и вновь соединить имеющиеся в ней противоположности.

Разумеется, такого эффекта нельзя было бы достичь просто отмахнувшись от символов, едва их увидя. Так можно было бы лишь вернуться к прежнему невротическому состоянию на стадии становления. К сожалению, те немногие люди, что не отрицают самого существования архетипов, почти все как один обращаются с ними как с простыми словами, забывая об их самостоятельной жизни. Тем самым архетипы лишаются (искусственно) элемента сверхъестественного (а значит, исключительного), что дает начало бесконечным заменам одного архетипа другим с такой легкостью, будто все они взаимозаменяемы. Конечно, до определенного предела это так. Но нельзя сбрасывать со счетов их способность вызывать трепет, являющуюся не просто одной из характерных черт, но определяющей сущность архетипического явления.

Это эмоциональное значение следует постоянно держать в уме и учитывать на всем протяжении процесса осмысления символики сновидений и их толкования. Его легко можно упустить из виду, поскольку антагонизм между мыслью и чувством почти автоматически приводит к тому, что, начиная думать о чем-то, мы сразу забываем о том, что чувствовали, и наоборот. Психология вообще единственная наука, принимающая в расчет эмоциональный фактор, потому что он связывает нашу жизнь с явлениями, в ней происходящими. Психологию часто обвиняют из-за этого в ненаучности. Подобная критика происходит от непонимания научного и практического значения изучения эмоций.

Излечение разлада

Наш интеллект создал новый мир, господствующий над природой, и населил его чудовищными машинами, польза от которых такова, что мы даже не можем представить, как избавиться от них или от нашего преклонения перед ними. Человек вынужден потакать авантюрным побуждениям своего изобретательного и нагруженного научным багажом разума, восхищаясь его блестящими достижениями. Вместе с тем его гений проявляет жуткую последовательность в

Юнг Карл Густав К вопросу о подсознании filosoff.org
изобретении все более и более опасных устройств, с каждым разом все более пригодных для всемирного самоуничтожения.

Ввиду лавинообразно увеличивающейся численности мирового населения, человек уже начал поиск путей и средств контролируемого сдерживания этого прироста. Однако природа может упредить наши искания, направив против человека его же изобретательность. Водородная бомба, например, определенно положила бы конец перенаселению. Хотя мы и гордимся тем, что покорили природу, на самом деле мы ее заложники, ибо мы даже не научились контролировать собственную природу. Медленно, но, сдается, неизбежно мы пестуем катастрофу.

Нет больше богов, к которым мы могли бы обратиться за помощью. Великие мировые религии охвачены усиливающейся анемией, так как из лесов, гор, рек и мира зверей улетучились сверхъестественные силы (приходившие ранее так кстати), а богочеловеки исчезли в глубинах подсознания и там (как нам хочется думать) ведут бесславное существование среди других пережитков прошлого. Наши теперешние жизни подчинены богу, имя которому – интеллект. Он же наша величайшая и печальнейшая иллюзия. Благодаря интеллекту, уверяем мы себя, мы завоевали природу.

Но это лишь лозунг – не более. Ибо "завоевание природы" оборачивается для нас перенаселением планеты, добавляя хлопот в политическом плане, поскольку люди продолжают ссориться и добиваться превосходства друг над другом так же, как и всегда. О каком "завоевании природы" тогда можно говорить?

Любая перемена должна с чего-то начинаться, и начинается она с отдельного индивида, который почувствует ее и начнет претворять в жизнь. Таким индивидом может стать любой из нас. Недопустимо оглядываться вокруг в ожидании "дяди", который придет и сделает то, что должны сделать вы сами, хотя вам этого и не хочется. Но поскольку, похоже, никто не знает, что надо делать, то, может быть, каждому из нас стоит задаться вопросом; а не подскажет ли нам что-нибудь подсознание? Ведь сознательный разум, сдается, ничем не может помочь нам. Современный человек стоит перед горьким фактом неспособности великих религий или разнообразных философских учений явить такую вдохновляющую и захватывающую идею, которая принесла бы ему успокоение, так необходимое перед лицом опасностей, угрожающих миру.

Я знаю, что мне ответили бы буддисты: все было бы в порядке, если бы люди следовали восьмиступенчатому пути Дхармы и могли бы заглянуть в свое "я". Христиане говорят, что мир был бы лучше, если бы только люди верили в Бога. Рационалисты утверждают, что был бы у людей ум и благоразумие, и все проблемы можно будет решить. Только вся беда в том, что никому из них не удается решить свои проблемы.

Христиане часто спрашивают, почему Господь не говорит с ними, как, предположительно – он это делал в давние времена. В таких случаях я всегда вспоминаю одного раввина, которого спросили, почему раньше Бог часто являлся людям, а теперь никто никогда не видит Его. Раввин ответил: "Просто не осталось никого, кто умеет правильно кланяться".

Этот ответ раскрывает самую суть проблемы. Мы настолько пленены своим субъективным сознанием и поглощены его работой, что совсем забыли о давно известном факте: Господь говорит с нами преимущественно в сновидениях или просто видениях. Буддисты не принимают в расчет мир подсознательных фантазий, считая их бесполезными иллюзиями. У христиан между сознанием и подсознанием стоят Церковь и Библия. Рационалисты до сих пор не знают, что их сознание не охватывает всего мира их психики. Это невежество сохраняется до сих пор, будто подсознание не признано уже более семидесяти лет назад одним из основополагающих понятий, без которого немислимо никакое серьезное исследование в области психологии.

Мы не можем более продолжать уподобляться Всемогущему Творцу, рассуждая о достоинствах и недостатках природных явлений. Мы ведь не используем в ботанике давно устаревшее деление растений на нужные и ненужные, или в зоологии – наивное различие безвредных животных и опасных. Но мы все еще позволяем себе благодушно относить сознание к вещам, имеющим смысл, а подсознание – к бессмыслице. Такой подход в науке был бы подвергнут немедленному осмеянию. Скажите, например, имеют ли смысл микробы или они бессмысленны?

Чем бы ни являлось подсознание, это – природное явление, генерирующее

Юнг Карл Густав К вопросу о подсознании filosoff.org
символы, наделенные, как показали исследования, определенным смыслом. И подобно тому, как мы не можем считать специалистом по микробам человека, ни разу не державшего в руках микроскоп, так и тот, кто не изучал профессионально природную символику, не может считаться компетентным в области психологии. Однако всеобщая недооценка человеческой души такова, что ни великие религии, ни философские учения, ни научные рационалисты не удосужились как следует с ней разобраться.

Несмотря на то, что католическая церковь признает существование *somnīa a Deo missa* (снов, посланных Богом), большинство ее мыслителей не предпринимают серьезных попыток понять сновидения. Не уверен я и в наличии у протестантов какого-либо трактата или доктрины, которые удостоили бы вниманием вопрос о возможности восприятия *vox Dei* (*vox Dei* – глас Божий (лат. Прим. пер.) во сне. Но если богослов действительно верит в Бога, то какой авторитет может убедить его в неспособности Бога являться нам в сновидениях?

Я посвятил более полувека изучению природных символов и пришел к выводу, что сновидения с их символикой вовсе не являются глупостью или бессмыслицей. Наоборот, для тех, кто потрудится над их расшифровкой, они раскрывают интереснейшую информацию. Она, конечно, имеет мало общего с такими приземленными понятиями, как купля и продажа. Но смысл жизни не измерить лишь деловой активностью, как не охватить сокровеннейших чаяний количеством денег на банковском счете.

Сейчас в истории человечества такой этап, когда все усилия направляются на изучение окружающего нас мира и очень мало внимания уделяется человеческой сущности, которую составляет психика человека, хотя функции ее сознательной части исследуются с различных сторон. Однако самая сложная и неизвестная часть души, где рождаются символы, все еще, в сущности, не исследована. Кажется невероятным, что хотя мы каждую ночь получаем оттуда сигналы, расшифровка получаемых сообщений кажется для подавляющего большинства людей слишком утомительной, чтобы беспокоиться об этом. Величайшее орудие человека – его психика – почти не является объектом размышлений, а зачастую в чем-то подозревается или презирается. Слова "это все психология, сударь" чаще всего означают: – "это пустяки".

Как же возник этот невероятный предрассудок? Очевидно, мы были так поглощены вопросом, о чем мы думаем, что позабыли спросить, а что думает о нас подсознательная часть психики. Идеи Зигмунда Фрейда укрепили существующее у большинства людей презрение к психике. До него психику просто не брали в расчет, ей пренебрегали, теперь же она превратилась в свалку безнравственности.

Это бытующее теперь мнение, безусловно, несправедливо и односторонне. Оно даже не увязывается с известными фактами. Наши нынешние знания о подсознательном показывают, что это – природный феномен и как таковой является, по меньшей мере, нейтральным. Оно содержит все стороны человеческой природы: свет и тьму, прекрасное и безобразное, добро и зло, мудрость и глупость. Изучение символов, порождаемых как индивидуально, так и общностями людей, – огромная задача, и отнюдь еще не решенная. Однако начало, наконец, положено. Первые полученные результаты вдохновляют, поскольку они, похоже, подсказывают ответы на многие из не решенных доныне вопросов, волнующих сегодня человечество.

Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке <http://filosoff.org/> Приятного чтения!
<http://buckshee.petimer.ru/> форум Бакши buckshee. Спорт, авто, финансы, недвижимость. Здоровый образ жизни.
<http://petimer.ru/> Интернет магазин, сайт Интернет магазин одежды Интернет магазин обуви Интернет магазин
<http://worksites.ru/> Разработка интернет магазинов. Создание корпоративных сайтов. Интеграция, Хостинг.
<http://dostoevskiyfyodor.ru/> Приятного чтения!